

The background of the cover is a dark, atmospheric illustration. A woman with long, wavy blonde hair is the central figure. She is wearing a dark red, hooded cloak over a blue, high-collared dress with a row of buttons down the front. Her expression is somber as she looks down and to the right. The background shows a dark, stormy sky with a lightning bolt on the right side. In the distance, there are stone structures, possibly ruins or a castle, with some windows glowing faintly. The overall color palette is dominated by dark blues, greys, and the red of the cloak.

Алекс Д

СЕДЬМОЙ КРУГ

18+

Алекс Д Седьмой круг

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42034707

SelfPub; 2019

ISBN 978-5-5321-0611-6

Аннотация

Элизабет Невилл родилась в тяжелый мятежный век политических интриг и междоусобиц. Любимая дочь графа, избалованная и сумасбродная, она ни в чем не знала отказа. Но коварный рок в одночасье разбивает в прах мечты юной девушки, вырывая ее из объятий возлюбленного и бросая в самое пекло ада, делая орудием мести в руках ослепленного гневом мужчины. В плену беспощадного графа Мельбурна ей предстоит пройти семь кругов ада, проявив завидную стойкость и силу духа.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	21
Глава 2	41
Глава 3	64
Глава 4	90
Глава 5	130
Конец ознакомительного фрагмента.	156

"В трех самых нижних кругах наказывається насилие. В седьмом круге Ада —насилие над ближним и над его достоинством (тираны, убийцы, разбойники), над собою (самоубийцы и моты), над божеством (богохульники), над естеством (содомиты), над естеством и искусством (лихоимцы)..."

Краткое описание "Божественной комедии" Д. Алигьери.

Пролог

16 век. Замок Мельбурн. Пограничные земли. Англия.

Ричард Чарлтон, граф Мельбурн возвращался вместе со своими верными вассалами из очередного похода, который, как и предыдущие два, оказался удачным. Усталость не умоляла его торжествующей радости. Сняв свой шлем, Ричард горделиво посматривал по сторонам на свои бескрайние владения. Ни голод, ни вспышки чумы, ни бесплодная холодная земля, ни восстания крестьян, ни что не могло остановить молодого воина. Он рвался в бой, словно волк, почуявший добычу. И вот он – успех. Его отец, убитый во время кровопролитной схватки с бароном Ридсдейлом, унесшей тогда много жизней, мог бы гордиться своим отважным сыном, способным не только защищать свой замок и прилежащие к нему деревни, но еще и расширять, обогащать владения. Его враг Алекс Флетчер, молодой барон Ридсдейл, получивший титул отца после его скоропостижной смерти несколько месяцев назад, был разгромлен, а его плодородные земли на этот раз окончательно перешли к Ричарду; крестьяне и подданные Флетчера, присягнули ему на верность, устав от кровопролитных войн, беспричинно завышенных налогов и постоянных гонений с земель своего лорда, по причине неуплаты. Перевес сил оказался на стороне Мельбурна, и он победил схватке не только за земли противника, но и за жизнь.

Долгожданная победа много значила не только для самого Ричарда, но и для его людей, которые, наконец, забудут о голоде и неурожайных годах, сокративших население почти втрое. Много людей гибло и во время военных походов, но еще ни разу Ричард Мельбурн не возвращался с поля боя без трофеев и добычи, которой честно делился со всеми своими подданными.

Теперь можно сделать передышку. Ричард слишком устал от войны, от кровавого безумия, от жестокости своих врагов и своей собственной, необходимой для победы. Он устал от смерти, от запаха разлагающейся плоти, от похорон своих друзей, от военных палаточных лагерей, временных деревянных крепостей, в которых замерзал и страдал от укусов насекомых, от тяжести доспехов и ощущения грязи на своем теле и собственной вони. Помыться во время похода не представлялось возможным и это сильно угнетало Ричарда, возвращавшегося домой с победой. Он знал, что у ворот замка его будет встречать Мария. Она, должно быть, уже заметила его из башни, и несется вниз по ступенькам, счастливая и прекрасная. Его сердце зашло от радости и нежности. Если бы он мог никогда не оставлять свою молодую жену одну, не видеть ее глаз, полных слез и печали, провожающей его в очередной поход.

Ричард должен сделать все возможное и невозможное, чтобы его семья и будущие сыновья не боялись голода и опасных соседей, которые в любой момент могут напасть

на них. Чем больше владения, и количество отважных воинов, готовых защищать свой дом, тем спокойнее будет жизнь Мельбурнов. Ричард совершил то, что не удавалось его отцу Эдуарду Мельбурну, он присоединил к своим владениям Ридсдейл. Конец междоусобным войнам.

Его огорчало только то, что лорд Ридсдейла, барон Алекс Флетчер не попал в руки Ричарда. Осажденный замок оказался пуст, а сам Алекс не участвовал в битве. Один из его захваченных в плен вассалов, сообщил, что Флетчер несколько недель назад уехал с небольшим войском сопровождения в Йорк, якобы для заключения брака со своей дальней кузиной леди Элизабет Невилл. Ричарда насторожил тот факт, что, по словам пленника, войско Флетчера насчитывало не больше сотни человек, но было облачено в доспехи и вооружено до зубов. Конечно, сотня человек для него не помеха, да и путешествовать по стране, полной разбойников и головорезов, без сопровождения было бы крайне глупо. А Алекс Флетчер не был глупцом. Несколько раз, сталкиваясь с ним в кровопролитных схватках, Ричард на своем опыте убедился в его подлости и свирепости.

Алекс и его отец принадлежали к старому, не так давно обнищавшему роду. Из достоверных источников Ричарду было известно, что в возрасте семнадцати лет будущий барон прибыл ко двору для службы сквайром. Ему благоволил дальний родственник отца Генри Перси, граф Нортумберленд, который был дружен с королём и его фавориткой,

а ныне королевой Англии, Анной Болейн.

Лондон ослепил юношу, и он не устоял перед соблазнами роскоши, промотав все свое состояние на дорогие наряды и светские рауты. Оставшись на мели с огромными долгами, Алекс вернулся в деревню. Тогда-то в его голове и созрели коварные планы варварских набегов на соседние земли. Ограбив своих крестьян, завысив ренту на землю до невероятных размеров, в связи с чем несчастным пришлось искать лучшей доли в качестве наемной дешевой рабочей силы на пастбищах состоятельных джентри, промышляющих овцеводством, ставшим в последнее время вполне прибыльным и популярным, Алекс не остановился. Сколотив банду из таких же бесчестных разбойников и головорезов, как он сам, Флетчер принялся обирать соседние земли купцов, лордов и даже состоятельных дворян, не брезгуя никакими методами. Вырезая целые семьи, он огораживал их владения и сдавал в аренду только тем, кто был готов заплатить самую высокую цену. В средней пограничной полосе, среди болот и холмов Чевиота, очень часто забывали, что где-то существует королевская власть, парламент, законы и суды. И надеяться на то, что шерифы или судьи смогут остановить бесчинства Флетчера не приходилось. Ричарду пришлось сражаться за свой дом и тех, кто служил ему верой и правдой. После двух лет беспощадного кровавого захвата чужих территорий, новоиспечённый барон Александр Ридсдейл стал владельцем обширных владений, и продолжил войну с Мельбурнами, кото-

рую начал его предшественник, тоже не отличавшийся особой порядочностью. Но методы Алекса были более низкими и жестокими. Он умел действовать почти бесшумно, напал под покровом ночи, неожиданно и быстро, убивая всех, кто попадался под руку. Флетчер был известен тем, что никогда не захватывал в плен воинов противника. Армия барона Ридсдейла оставляла после себя горы выпотрошенных трупов. Он не гнушался разбоем, нападая на проезжавшие по его дорогам торговые караваны, его люди убивали детей и насиловали женщин, не зная сострадания и пощады. Действуя небольшими группами наемники барона неоднократно напали на деревни, принадлежащие Мельбурнам, грабя и убивая мирных крестьян, не оставляя ни одной живой души, уводя скот и опустошая припасы. Это были настоящие звери в людских обличиях. Многих из них, уцелевших во время бойни и захваченных в плен, завтра вздернут на центральной площади. Но только казнь Алекса Ридсдейла сможет положить конец затянувшейся борьбе двух влиятельных феодалов. Пока Флетчер жив, Ричарду не знать покоя. Сегодня победа в его руках, и оставленные в Ридсдейле сильные хорошо обученные верные воины не позволят Алексу вернуться и захватить власть, но кто знает, на чьей стороне окажется противовес завтра.

Губы Ричарда Чарлтона тронула легкая улыбка, когда его мысли снова вернулись к Марии. Юная, стройная, черноволосяя Мария. Его любимая жена. Страстная и чувственная

она заставила его поверить в то, что помимо войны и долга, есть нечто более глубокое, сильное, всепоглощающее. О боже, он обожал ее. Не было ни одного дня, ни одного часа во время этого длительного похода, чтобы Ричард не вспоминал о возлюбленной, о ее нежной коже и ласковой улыбке, о темных цыганских глазах, покоровивших его с первого взгляда, и о жгучих ночах, которые они проводили вместе. Целых три месяца его губы не касались тела Марии, а глаза не наслаждались ее красотой. Если бы он смог смыть с себя грязь и вонь войны, прежде чем, ее тонкие нежные руки обнимут его плечи. Как же он истосковался по ней. Ричард вообще не был рыцарем в сверкающих доспехах, не был верным мужем, и праведником, не читал ей поэм, не дарил цветов, и уж тем более не потакал женским капризам. Бесконечные войны закалили его, сделав жестоким, и иногда глухим к чувствам других, но Мария любила его, прощая ему грубость, и вспышки гнева, неверность во время военных затяжных походов. Она прекрасно знала, что шлюхи очень любят осчастливить уставших путников своим легкодоступным телом, и знала об изменах Ричарда в стенах их собственного дома, но никогда не обвиняла его. Именно ее покорность, ее безмерная любовь и всепрощение покорили его сердце. Он каждый раз клялся себе, что больше никогда, никогда не причинит ей боли, не оскорбит ее даже мыслью о другой женщине. Но, как устоять, если прелестницы сами вешаются на шею?

Старшая сестра Ричарда – Кларисса, выслушивая его полные осознания собственной вины речи, лишь пожимала в недоумении плечами. В свои двадцать семь лет она похоронила троих мужей, и сейчас Ричард везет ей весть, что и четвертый ее супруг погиб в бою. Кларисса никогда не проливали слез, и ничего не ждала от своих мужей, кроме защиты, содержания и выполнения долга. А младшая Луиза еще не достигла возраста, в котором девушка начинает понимать, что мужчина – это не только большой человек в доспехах и бородой. Как странно, ей только пятнадцать, а через год ему уже придется выдавать ее замуж. И, быть может, к восемнадцати годам она уже не раз станет матерью. Ричард вспомнил о своей матери, все больше приближаясь к родовому замку. Анна Мельбурн была странной женщиной. Родив одиннадцать детей, и похоронив восьмерых из них, она так никому не стала родным и близким человеком. Все ее помыслы были связаны с замком и его содержанием, дети играли второстепенную роль и были отданы на поруки многочисленным нянькам и учителям. Когда Анна покинула этот мир пять лет назад, никто из ее детей особо не скорбел, как, впрочем, и ее муж – Эдуард. Однако, второй раз он не успел жениться, через год погибнув от руки барона Джона Ридсдейла. Тогда двадцатилетний двухлетний Ричард не знал, какая огромная ответственность легла на его плечи. Он только что женился и все свое время проводил в спальне с молодой женой. Ричард вовсе не хотел становиться грозным рыцарем, несмотря на

то, что имел небольшой боевой опыт. Вернувшись после учебы из Италии, он поступил на службу к королю, и это тоже было отчасти долгом. Но Генрих оценил старания юного воина и посвятил его в рыцари, а потом отправил обратно к отцу, который всю свою жизнь посвятил служению короне, за что и получил титул и владения в беспокойных пограничных землях Нортумберленда и в Дареме. Какие-то полгода свободы, потом медовый месяц с Марией и его юность кончилась. Смерть отца сделала Ричарда мужчиной и защитником своей семьи. И пока он достойно выполнял свой долг.

Небрежно отбросив с лица черную прядь волос, Ричард снял перчатки и пристально всмотрелся в очертания замка, прошелся взглядом по окрестным деревьям. Прославлявшие имя своего хозяина крестьяне, которых щедро поощряли закованные в латы всадники, остались позади. До замка не больше километра. И только сейчас Ричард заметил, какой зловещей тишиной встречает усталых путников родная земля. Невольно натянув поводья, он заставил остановиться своего коня. Остальные всадники тоже замерли, обратив внимание на окружающую их неподвижность. Никто не бежал к ним навстречу, не выкрикивал приветствий и не благодарил Бога, что сохранил жизнь их хозяину, благородному рыцарю Мельбурну.

Задохнувшись от страшной догадки, Ричард пришпорил коня и ринулся вперед, не сводя напряженных до боли глаз с перекинутого через ров моста, и открытых ворот замка, воз-

ле которых его никто не встречал. Сердце перестало биться от охватившего его ужаса. Ричард не узнавал дом, который двадцать четыре года был ему родным. Он смотрел на высокие могучие стены своего замка, которые напоминали ему заостренные зубы дикого чудовища, оскалившиеся в улыбке, и на черные дыры окон башен, смотрящие на него со злорадным ожиданием. Дикий, дикий зверь отчаянья, ярости и боли, поджидал хозяина за своими стенами. И он уже знал, предчувствовал, что найдет там....

Сцепив зубы, граф въехал на мост. Снова остановив жеребца, он заставил себя посмотреть вниз. В зловонной мутной жиже плавали обезображенные тела погибших, или сброшенных со стен воинов, охранявших замок. Их не было очень много. Не больше двух десятков. Возможно, кто-то еще не всплыл.

Граф спешился, выпустил поводья, и замер в нерешительности. Он смотрел вперед на поднятые ворота. Дыра, похожая на рот мифического животного, впустившая врагов, чтобы убить, убить всех. На ватных ногах, едва понимая себя от ярости и горя, юный всадник пошел вперед. Ветер бросал черные волосы на его мертвенно бледное лицо, в синих глазах застыло отрешенное пустое выражение.

– Ричард, стой! – закричал один из его верных друзей. Роберт Холл, сопровождающий его во всех военных набегах. Его жена тоже осталась в замке. Она прислуживала Марии и была ее верной подругой.

Ричард едва расслышал его оклик, но войдя в ворота, внезапно остановился. Закричав от ярости, он закрыл лицо руками, не в силах смотреть на то, что предстало его взгляду. Все небольшие дома и воинские казармы, вблизи замка были сожжены, а на центральной площади, там, где Ричард собирался казнить пленников, лежала огромная груда тел, обнаженных и изуродованных. Здесь были семьи всех самых верных рыцарей, всех тех, что защищали его спину от врагов, тех, кого он сам защитить не смог.... Крики боли, удушающие полные отчаянья рыдания раздались позади. Это отважные воины, вернувшиеся с победой с войны, увидели свои уничтоженные огнем дома, и растерзанные обезображенные тела жен и детей.

Все вокруг было мертво. Даже собаки лежали здесь же, с разрезанными животами, кошки, раздавленные тяжелыми сапогами, убитые лошади, которые чем-то не угодили захватчикам. И только вороны, кружащие над замком, полным мертвецов, торжествовали.

Оставив стонающих друзей, пытающих найти среди трупов своих близких, Ричард пошел навстречу судьбе, которая была уготована ему злым роком.

Он вошел в замок. Несколько слуг со вспоротыми животами лежали прямо на лестнице, которая вела в апартаменты графа. Еще несколько трупов в холле, и дальше. Тела были везде. У мужчин разрезан живот, а женщины.... Он не мог смотреть на то, что эти звери сделали с женщинами. Он от-

водил глаза, он еще на что— то надеялся.

Надежды рухнули, когда Мельбурн вошел в тронную залу, где успели попить его враги. На столе, среди опрокинутых кубков, разлитого вина, и остатков пищи, лежала Кларисса. Она была мертва, как и все остальные женщины, разбросанные вокруг, словно сломанные куклы. Ублюдки перерезали его сестре горло, но прежде вдоволь натешились с ней. Юбка графини была задрана, обнажая белые полные бедра, залитые кровью, в разорванном корсете на груди огромные синяки и кровоподтеки. На персидском ковре возле стены, лежали ее убитые сыновья. Старшему было всего шесть, а младшему Вильяму — три. Скорее всего, племянников Ричарда сначала заставили смотреть, что происходит с их матерью, а потом безжалостно убили. Только дети Сатаны способны на подобное зверство.

Полубезумный от горя, Ричард подошел к телу сестры, и закрыл полные ужаса мертвые глаза дрожащей рукой, потом опустил юбку, и, взяв окоченевшую женщину на руки, пошел к выходу из зала, по длинному коридору граф бежал к южной башне, в которой располагалась спальня жены. Именно там ему предстояло найти Марию. Он больше не надеялся на то, что захватчики пощадили ее. Он не слышал, что следом за ним шли его преданные друзья. Кто-то догнал его, положил руку на плечо, развернув к себе.

— Дай мне ее, — тихо попросил Томас Рид, глядя в побелевшие яростные глаза господина.

– Отпусти, – протянув руки Томас попытался забрать у графа тело Клариссы.

– Я не хочу, чтобы кто-то видел, что они с ней сделали, – прохрипел Ричард.

– Том, никто не должен знать.

– Хорошо, Ричард, я позабочусь о ней сам, – пообещал Рид.

– Ты уже ничем не сможешь ей помочь.

– Не ходите за мной, – крикнул Ричард, передавая труп сестры в руки Томаса Рида.

– Я сам, сам... – уже шепотом проговорил он.

Опустив головы, рыцари смотрели вслед своему господину и другу. Топот его тяжелых сапог и металлический звон доспехов эхом раздавались в безжизненных холодных стенах замка. Быстрые шаги превратились в бег. Они слышали, как граф мечется, врываясь то в одну комнату, то в другую, слышали, как он громко проклиняет убийц, покусившихся на его владения, пока он был в отъезде. Наконец, шаги стихли, и раздался душераздирающий вопль.

Он нашел ее. Из открытой сумраком спальни раздался чуть слышный стон. Графиня была еще жива. Они не убили ее. Словно чья-то извращенная черная душа жаждала принести еще больше боли, продлить агонию и страдание. Издав вопль затравленного зверя, граф заставил себя подойти ближе. То, что он увидел, было ужасно, чудовищно, безумно. Дыхание с болью и хрипами вырывалось из его легких, по-

ка он шел к кровати, на которой лежала его жена. Ричард с трудом узнал в растерзанной окровавленной девушке свою цветущую счастливую Марию. Опустившись на колени перед залитой кровью кроватью, стараясь не смотреть на нагое, покрытое запекшимися ранами и гематомами тело, он повернул лицо Марии так, чтобы она могла видеть его глаза, его боль и сожаление, его безграничное горе.

– Я вернулся, Мари, – прошептал он, наклоняясь к ее лицу. Веки девушки затрепетали, она узнала его голос. Об этом сказали слезы, которые начали ручьями стекать по ее щекам. На лице Марии не было синяков, они оставили ей ее красоту. Хриплый стон вырвался, и она открыла опухшие от слез веки, пересохшие губы прошептали его имя. Он, скорее почувствовал, чем услышал это. Боль ледяным браслетом стянула сердце. Ричард не знал, что такое настоящий страх, что такое отчаянье. Не знал до этого момента. Он нашел руку своей жены и легонько сжал ее пальцы, которые были ледяными и влажными от крови.

– Они ушли недавно, – со свистом вырвались слова из обессиленных уст.

– Это Алекс Флетчер. Он знал, что проигрывает, выждал момент.

На мгновение Ричарду показалось, что он потерял зрение. Такой яркой была вспышка ярости, ослепившая его. Как он мог так недооценить врага, как мог оставить свою жену и подданных практически без защиты?

Мария смотрела на него с выражением немом отчаянья и муки. Тонкая рука поднялась, чтобы дотронуться до его щеки.

– Мой красивый храбрый муж, – прошептала она, и Ричард прижался губами к ее пальцам. Его плечи дрожали.

– В мире столько жестокости, столько страданий. Я умру очень скоро, но я рада, что успела увидеть тебя. Что последним лицом, которое я запомню, будет твое. Я буду любить тебя вечно.

– Ты не умрешь. Я позову врача. – Ричард сорвался с места, и хотел послать за доктором, но слабая рука Марии удержала его.

– Нет. Я истекаю кровью, уже много часов. Мне осталось совсем немного. Ты должен знать, я кричала, пока у меня хватало сил. Никто не сжалился надо мной, и другими женщинами. Они животные. Настоящие звери. Флетчер хуже всех. Он изнасиловал и забрал Луизу. Он не отдал ее толпе своих псов, как сделал это со мной и Риссой, и остальными девушками. Она его трофей. Бедная девочка. Пожалуйста, Ричард, прости меня. Я не смогла защитить себя и Луизу. Они .... Я ничего не могла сделать.

Мария горько зарыдала. Ричард крепко обняв прижал ее к своей груди, закованной в броню, которая не смогла защитить его сердце, истекающее кровью.

– Это я виноват, ты не должна себя винить, Мария. Я никогда не прощу себя за то, что не смог тебя уберечь. Я был

глупцом, я погубил тебя.

– Нет-нет, – покачала головой Мария. – Ты не виноват... – хриплое рыдание сорвалось с потрескавшихся губ.

– Ты еще кое-что должен знать. Когда ты отправился в поход, я не сказала, что беременна. Мы так долго этого ждали, я не хотела, чтобы ты менял свои планы. Наш сын должен был родиться через три месяца, – голос Марии звучал на удивление громко, словно она собрала остатки сил, чтобы сказать ему все. Посеревшее лицо Ричарда свела судорога. Отпустив ее на кровать, он отшатнулся.

– Что ты говоришь..., – прохрипел он.

– Меня и других понравившихся им женщин затащили в тронный зал. Они заливали нам в рот вино, а потом началась оргия. Нас били и насиловали несколько часов. Когда начались схватки, Флетчер перенес меня сюда. Младенец родился мертвым, я спрятала его. В ногах, под покрывалом..., – голос Марии сорвался, она снова зарыдала и с силой сжала руку убитого горем мужа, – Похорони его, Ричард. Умоляю тебя....

– Боже, Мария, тырываешь мое сердце. Как же мне дальше жить с этим? – с отчаяньем простонал Мельбурн, уткнувшись лицом в ее предплечье. Его святая Мария еще пыталась утешить мужа, водя ослабевшими пальцами по жестким черным волосам Ричарда. Он чувствовал, как замедляется ее дыхание, как жизнь покидает некогда прекрасное тело.

– Он хотел, чтобы я выжила, хотел, чтобы ты знал, что они со мной сделали, со всей твоей семьей. Алекс Флетчер – исчадие ада, и он никогда не остановится. Ты должен убить его, Ричард. Я верю, что ты это сделаешь. Ради меня, ради нашего убитого сына и растоптанной чести. Я бы хотела умереть до того, как они сотворили со мной все это. Я умираю сейчас, на твоих руках. Наверное, Бог все же есть, раз сжалился надо мной в последний момент.

– Мария, нет, – закричал Ричард, обхватывая руками ее лицо. Она почти не дышала, лишь темные глаза смотрели на него с безграничной любовью и предсмертной отрешенностью.

– Мой Ричард, я люблю тебя, – прошептала она одними губами. Несколько раз, резко втянув воздух, Мария вдруг расслабилась и затихла. Глаза ее потухли, и взгляд остекленел. Все еще стоя на коленях, граф Мельбурн закрыл лицо руками и глухо зарыдал.

Глава 1

Северный Йоркшир

– Элиза, ты в своем уме! – закричал Томас Перси, барон Нортумберленд, нагнав свою дочь далеко за границей поместья Ньюборн. Девушка, натянула поводья, и обернулась. Она смеялась, глядя в свирепое лицо отца. Ветер, нещадно трепавший ее распущенные по плечам белокурые волосы, бросил несколько прядей ей в лицо. Стеганув коня, она снова беспечно расхохоталась, заставляя несчастное животное встать на дыбы. В мужском верховом костюме, облегающем ее стройную фигурку, теплой накидке с меховой отделкой на капюшоне и высоких сапогах, она была похожа на дикую отважную амазонку. У Томаса Перси зашло сердце, когда он представил, какой опасности подвергает себя беспечная девчонка, уезжая так далеко без сопровождения. А ведь она уже не дитя, и совсем скоро пойдет под венец.

– Что такое, милорд? Вы запыхались? – все еще веселясь, спросила Элизабет, голубые глаза ее сверкали от радостного возбуждения, румянец на щеках только подчёркивал живость ее красивого утончённого лица. Заметив, что отец не разделяет веселья своей дочери, девушка нахмурилась, и направила своего порядком измученного жеребца в сторону старого графа.

– Леди не выезжают на прогулку в мужском костюме и без

сопровождения, не сидят на лошади без седла, и не покидают безопасные границы. Ты хочешь опозорить меня? Чем я заслужил такого сорванца? Если не уважаешь меня и свою мать, хотя бы пощади наши седины.

– Папа, я не одна, со мной гончие псы, – небрежно пожав плечами, возразила Элизабет, кивая в сторону резвившихся рядом собак.

– И, как видишь, здесь нет никакой опасности. Ни одной живой души. Это земля графа. Разве мой дядя может чем-то обидеть меня?

– Граф нет, но его люди? Разве в таком виде тебя могут принять за леди?

– О, папа! Я умею за себя постоять. – Элиза широко улыбнулась, достав из сапога длинный кинжал, – Никто бы не осмелился подойти.

– Глупая девчонка. Ты еще наивное дитя. Живешь, не зная бед, не выглядывая за пределы того маленького мирка, который мы тебе создали. Твой будущий муж увезет тебя в такие места, где твоя непредусмотрительность и глупость могут стоить жизни. Никаких больше прогулок в одиночестве. Мы возвращаемся домой. Твой будущий супруг пожаловал, – последнюю фразу Томас произнес с явным неудовольствием.

– Алекс здесь? – воскликнула Элизабет, чувствуя, как сердце бешено забилось, разливая по венам разгоряченную кровь. – Неужели? Я ждала его только через неделю.

– Явился, и весь в нетерпении прибрать к рукам твое приданное.

Развернув коня, граф направился в сторону дома. Элизабет охотно последовала за ним, едва сдерживая свой восторг. Ей хотелось пустить жеребца в галоп, хотелось воспарить, словно орлица, чтобы побыстрее увидеть жениха. И пусть отец не разделяет ее счастливого предвкушения, ему не понять восторг юного сердца, стремящегося в сладостные сети любви. Она слишком долго ждала разрешения на брак с Алексом Флетчером, бароном Ридсдейлом. Сначала он был беден, потом умер его отец, траур и набеги соседей, не позволяющие Алексу покинуть владения. Все это время отец напрасно пытался сосватать ее с "выгодными" кандидатами на ее руку, богатыми новыми дворянами. Элизабет была верна своему сердцу. А Томас слишком любил свою дочь, чтобы противостоять ей. Барон был не в меру сентиментален, и при дворе над ним частенько посмеивались. Говорили даже, что Дарси не на шутку зачитывался романами. Сама Элизабет за ним ничего подобного не замечала. В обществе не было принято слишком сильно любить своих детей, особенно дочерей, которые должны были беспрекословно подчиняться родителям, и следовать их воле. Отец Элизабет был редким исключением. Он очень сильно оберегал и баловал старшую дочь. На самом деле девушка знала, что его сердце смягчает ее сходство с матерью – Маргаритой Невилл, первой женой Томаса Дарси.

Элизабет не знала о матери ничего, кроме того, что рассказывал отец. Маргарита Невилл была родной сестрой Ральфа Невилла, графа Уэстморленда. Тайна отношений Маргариты Невилл и Томаса Дарси была покрыта мраком и позором. Отец никогда не говорил дочери всей правды и называл Марго своей первой женой, но досужие сплетники нашептали Элизабет, что на самом деле ее мать и отец не были женаты официально. Уэстморленд состоял в оппозиции с Перси и не дал разрешения на брак, а когда Томас и Маргарита бежали, отрекся от своей дочери. Томас Перси увез девушку в Нортумберленд, где они поселились в замке Прадхо. Маргарита была уже беременна. Почему отец так и не женился на ее матери, Элизабет не знала, но в глазах всего света она была всего лишь незаконнорожденной дочерью барона. Маргарита умерла при родах, а Лиз унаследовала ее фамилию Невилл. И спустя год печали и скорби Томас женился снова на Элеоноре Харботл, которая родила ему двух здоровых сыновей. Через два года после рождения второго сына Генри, Томас вывез все семейство из беспокойного Нортумберленда, то и дело подвергающегося набегам воинственной Шотландии и местных разбойников. Даже сильная армия охраняющая мощные стены замка не могла больше защищать семейство Перси от головорезов.

Отъезд в Йоркшир стал для Элизабет трагедией. Уже тогда она была влюблена в Алекса Флетчера. Они познакомились с ним на одном из приемов, которые устраивал ее отец.

И Лиз увидела в Алексе того самого рыцаря в сияющих доспехах и на боевом коне, о котором грезят все девушки, достигнув определенного возраста. Он много и красиво говорил о сражениях с варварами захватчиками, сверкая зелеными, словно молодая листва, глазами. Красивое удлиненное лицо с впалыми скулами и тонкими чертами казалось девушке волнующим и прекрасным. Жесткость она приняла за отвагу, а холодный блеск глаз списала на уверенность в себе. Алекс был надменен и дерзок с окружающими, и только с ней бесконечно любезен и вежлив. Он тогда только что вернулся из Лондона, и казался ей таким отчаянно красивым и взрослым. И так много знала о жизни при дворе, о Тюдоре и его приближенных. Они только начали узнавать друг друга, как вдруг отец решил увезти свою семью в Йорк, чтобы обеспечить им безопасность. Элизабет, обычно живая и веселая, погрузилась в печаль, которую Флетчер очень быстро разгадал. Перед ее отъездом, у них состоялся приватный разговор в саду, где никто не мог за ними проследить. Конечно, он заверил девушку в своей любви и желании сделать ее своей законной супругой, и даже просил ее руки у Томаса Перси, но тот отказал ему, объяснив своей решение еще недостаточной зрелостью его дочери и огромными долгами Флетчера, о которых ходили легенды. Ни слезы не мольбы дочери не смягчили сердце отца, и юным влюбленным пришлось принять все, как есть. С тяжелым сердцем Лиз покидала Прадхо, и Алекс, как мог, утешал девушку, обещал вечно любить

и помнить Элизабет. А потом он стал писать ей письма, целые дюжины любовных писем, полных обожания и грусти из-за вынужденной разлуки. Он писал, что его дела пошли в гору и совсем скоро он накопит состояние, с которым будет не стыдно снова просить ее руки. Но случилась беда, умер отец Алекса. Молодой человек унаследовал титул и владения Ридсдейлов. А через пару месяцев, когда боль утраты улеглась, Алекс, теперь уже барон Ридсдейл, приехал в Северный Йоркшир и нанес визит в Ньюборн, и любовь между молодыми людьми вспыхнула с новой силой. Отец Элизабет категорично возражал против брака Элизабет и Флетчера, но глядя на страдания дочери смягчился, и дал им срок – один год, для испытания чувств. Алекс уехал в Ридсдейл, но их переписка продолжилась. Ровно год спустя молодой барон написал Томасу Перси официальное письмо, в котором попросил руки Элизабет. И, скрепя сердце, отец согласился. И вот избранник юной леди Элизабет снова здесь, чтобы сочетаться с ней законным браком. Счастье девушки омрачало только откровенное неодобрение ее отца. По какой-то причине Томас не доверял Алексу, считая его охотником за ее приданным. Конечно, он надеялся на более успешную партию для богатой наследницы. Кроме поместий в Нортумберленде, Дареме и земельных плантаций в Камберленде, Элизабет наследовала обширные владения на границе с Шотландией, а также оборонительный замок Чипчейз, в котором укрывались крупные отряды воинов, тщетно пытающихся наве-

сти порядок на окраинах областей, где закон и королевская власть были бессильны. Больше всего барон Нортумберленд боялся, что Флетчер увезет его дочь в пограничье, в ужасный край разбойников и убийц, где существует только один закон – закон выживания: "Убей сам, или убьют тебя".

– Ты уверена, что не передумала выходить замуж? – спросил Томас, когда Элизабет поравнялась с ним, но стоило ему взглянуть на ее цветущее лицо и затуманенные глаза, но понял неуместность своего вопроса. – Пограничные земли не место для богатой образованной леди, Лиз. Ты могла бы убедить Флетчера остаться здесь, в Йоркшире?

– Я поеду туда, куда мне велит мой супруг, разве не таков долг жены? – откинув назад тяжелые светлые волосы, с вызовом спросила Элизабет. Сердце ее отца сжалось от горького предчувствия. Девушка была слишком красива для дикого сурового края, слишком изнеженна, наивна, избалованна. Грубый воин, который большую часть времени находится в военных походах – самая неподходящая партия для столь изысканной юной леди. Томас довольно долго пожил на этом свете и научился разбираться в людях. Несмотря на заверения Флетчера о его благородных мотивах и желании навести порядок на границе, барон прекрасно видел, что он такой же разбойник и охотник за землями, как и все остальные. Он боялся за свою дочь, за то, что может сделать с ней этот проходимец. Флетчер прославился в Лондоне, как бес-

совестный плут, мот и распутник, лишившись покровительства Генри Перси, старшего брата Томаса, и было бы наивно и глупо предположить, что люди могут кардинально меняться. Томас не раз пытался отговорить свою упрямую дочь от брака, объясняя, чем могла быть вызвана внезапная любовь Алекса Флетчера к ней. Выращенный, как аристократ, но не имеющий за душой ничего, кроме гордости и амбиций, он казался Томасу крайне опасным типом. Но перед уговорами Элизабет, не желающей ничего слушать, отец был бессилен. И глядя на ее цветущую красоту, он искренне надеялся, что холодное сердце Алекса дрогнет перед столь прекрасным и любящим его всей душой цветком. Даже самое суровое сердце способно на благородные чувства.

– Тебе стоит переодеться, прежде чем ты предстанешь перед нареченным, – произнес отец покровительственным тоном

Оставив своего скакуна в конюшне, Элизабет направилась было к парадному ходу, на лице ее было написано нетерпение, но слова отца остановили ее. Оглядев свой наряд, она не могла не согласиться с ним. Забрызганный грязью мужской костюм для верховой езды вряд ли подходил для первого долгожданного свидания с любимым. Обернувшись, она одарила отца лучезарной улыбкой.

– Ты, как всегда прав, – сказала она и побежала к черному ходу. Глядя ей вслед, Томас Перси покачал головой, в серых усталых глазах застыла тревога. Скоро его солнечная сума-

сбродная девочка покинет отчий дом, и кто знает, какие тяготы и испытания лягут на ее хрупкие плечи.

А юная прелестница, между тем, уже взлетела по винтовой лестнице в свою светлую спальню. Служанка Сара, распахнув глаза, растерянно уставилась на запыхавшуюся перепачканную и лохматую госпожу.

– Боже мой, мисс Невилл, где вы пропадали? Ваш жених прибыл. Он уже несколько раз посылал за вами, а я не знала, что сказать, – всплеснув руками затараторила Сара.

– Я слишком долго его ждала, теперь черед Алекса, – объявила Элизабет. – Раздень меня скорее и приготовь ванну. Я должна предстать во всей красе. Я ошеломлю его, Сара.

Служанка скептически посмотрела на госпожу.

– Это займет гораздо больше времени, чем вы думаете, мисс.

– Так шевелись, – грозно прикрикнула леди Лиз.

Заметив перемену в настроении хозяйки, Сара засуетилась. Она позвала двух прислужниц, которые помогли раздеть Элизабет, принести лохань и воду. Когда юная госпожа Невилл была чем-то недовольна, ей не стоило перечить, она не обладала ангельским характером и запросто могла поколотить нерадивую прислугу. Девушки не обижалась, уж такова роль слуг в барских домах. Избалованные господа редко считали их за людей, и Элизабет не была исключением. Выращенная в роскоши, ни в чем не знающая отказа, она была уверена, что любой ее каприз должен быть исполнен.

Сара знала, куда отвезет хозяйку будущий муж, и слышала рассказы о суровых землях пограничья. Как бы чрезмерная самоуверенность молодой леди не довела ее до беды. Вряд ли муж станет потакать капризам и смотреть сквозь пальцы на ее выходки, как отец.

– Барон передал вам подарок, мисс, – сообщила Сара, когда вымытую и причесанную Элизабет принялись одевать в чистое белоснежное нижнее белье.

– Правда? – приподняв изящные дуги бровей, спросила девушка, глаза ее вспыхнули радостью, – Что же это?

– Платье и изумруды, мадам. Вам, наверное, стоит их надеть, чтобы выразить уважение к барону и благодарность за его щедрость.

– Так, неси, скорее! – нетерпеливо приказала Элизабет.

Когда служанки расправили перед ней платье, девушка восхищенно ахнула. Даже из Лондона ей не привозили подобной красоты. Тяжелое бархатное платье с завышенной талией и низким декольте, отороченным тончайшей работы кружевами, и ниспадающем со спины шлейфом, было нежнейшего бледно-зеленого цвета. Настоящий наряд для принцессы.

Облачившись в подарок жениха, Элизабет с удовольствием разглядывала свое отражение в большом зеркале. Платье идеально сидело на ее хрупкой фигуре, подчёркивая молочную бледность кожи и цветущую красоту. Голубые глаза девушки с длинными опахалами ресниц сверкали восхищени-

ем. Сара уложила ее волосы в высокую прическу, вплетя в белокурые локоны нитки жемчуга, а подаренные изумрудны тяжелые серьги и ожерелье закончили туалет леди.

– Сара, разве я не прекрасна? – самодовольно спросила Элизабет, крутясь перед зеркалом?

Служанка кивнула, не сдержав завистливой улыбки. Да, чего-чего, а самоуверенности Элизабет не отнять. Она действительно была ослепительно хороша в этом наряде. Ей бы сверкать на Лондонских балах, а не ехать в истерзанные междоусобицами края. Сам король, который был падок на женские прелести, не смог бы устоять.

– Ну, что ты стоишь столбом! – внезапно рассердилась Элизабет, – Беги к моему жениху, скажи, что я скоро спущусь в гостиную.

Алекс Флетчер нетерпеливо постукивал пальцами по резной рукоятке кресла, в котором ожидал появления невесты. Он прибыл в замок три часа назад, а Элизабет до сих пор не соизволила поздороваться с ним, и это после всех написанных ею любовных писем, полных тоски и ожидания. Его будущий тесть, барон Нортумберленд, был рядом. Он стоял возле камина, и был так же немногословен и озадачен, как и Алекс.

– Как вы добрались, милорд? Удачно? – ради приличия, подал голос Томас. Алекс вскинул на него зеленые спокойные глаза, в которых не отражалось никаких чувств или эмо-

ций.

– Как видите, я жив, здоров и полон сил, – вежливо ответил Флетчер.

– Я заметил, что доспехи рыцарей, которые вас сопровождали, и ваши, барон, были забрызганы кровью, когда вы подъехали к замку. На вас напали в пути?

– Что вы, милорд, это просто грязь. Но на нас действительно напали. Мы ехали через Норт—Тайн, и там состоялась небольшая драка с местными крестьянами. Чтобы не подвергать себя опасности и дальше, мы свернули на Рид, значительно увеличив свой путь, мы все же прибыли вовремя.

– А, что, теперь даже крестьяне нападают на проезжающих господ?

– Граф Мельбурн давно ведет охоту на земли Ридсдейла, и не гнушается никакими средствами. Его крестьяне голодны, измучены войнами, он забирает в свои войска даже мальчишек, не удивительно, что люди так озлоблены.

– Но я слышал, что король благоволил почившему графу Мельбурну, и сам посвятил в рыцари его сына.

– Король мало интересуется, что происходит в пограничных землях, – тон Алекса Флетчера стал заметно прохладнее. Томас Дарси знал, что уже много лет между кланами Ридсдейлов и Мельбурнов ведется жестокая междоусобная война.

– Я слышал, что отряды воинов время от времени проче-

сывают Пограничные земли по приказу короля.

– Но ни у меня, ни у них ничего не выходит, – тяжело вздохнул Флетчер. – Там живут дикари, отставшие от цивилизации, с трудом представляющие, что такое закон, не подчиняющиеся королевской власти. Они понимают только одну власть – власть силы. И чем больше силы, тем меньше сопротивления.

– Вы правы, барон, – согласился Томас Перси, – здесь в Йоркшире тоже не везде спокойно. Королю недешево обходятся бесконечные восстания и разборки феодалов. А после принятия акта супрематии, разрыва с Римом, и отторжения всех церковных земель в пользу короны, он настроила против себя очень многих представителей старейших аристократических семей, которые остаются рьяными католиками и защитниками старых обычаев.

– Милорд, я бы хотел вернуться к более приятной теме, – не очень-то вежливо оборвал будущего тестя Алекс Флетчер.

– Мне бы не хотелось надолго оставаться в Йоркшире. Меня ждут дела в Пограничье. Сейчас там особенно неспокойно. Я хотел бы ускорить наше бракосочетание с леди Элизабет. Я бы сказал, что нам нужно обвенчаться незамедлительно. Завтрашний день вполне подойдет.

– Но к чему такая спешка, барон? – тревожно спросил Томас. Сердце екнуло от страха. Он не ожидал, что расставание с любимой дочерью произойдет столь скоро.

– Набеги Мельбурна на мои земли участились, и в послед-

нее время противовес на его стороне. Я бы не хотел вернуться в осажденный замок.

– Если вам нужны люди, то Рид в вашем распоряжении, как и войска, укрывающиеся в Чипчейзе. Я хочу, чтобы моя дочь была в безопасности.

– Я сделаю все для этого, милорд. Благодарю вас за поддержку. Если вы не против, я был поселил ее пока в Нортумберленде в вашем замке, там пока спокойнее. Я взял на себя смелость и несколько месяцев назад направил в Прадхо свою сестру Беатрис. Она позаботиться о том, что к приезду Элизабет замок привели в порядок. Так что моей юной супруге не будет одиноко, пока я воюю с захватчиками.

– Делайте, как считаете нужным, барон, – поспешно ответил граф. – Если вы действуете в интересах моей дочери, я полностью на вашей стороне.

– Я покорнейший слуга леди Элизабет и ваш, милорд, – в подтверждении своих слов, Алекс Флетчер склонил в почтении голову. Барон Нортумберленд почувствовал облегчение. Может быть, мальчишка и не так плох. По крайней мере, он в состоянии защитить его дочь.

– А вот и моя принцесса, – с улыбкой воскликнул Томас, услышав быстрый стук каблучков на лестнице.

Элизабет Невилл, прекрасная, как ангел, в новом платье, практически сбегала вниз по ступенькам и предстала перед восхищенными взглядами отца и будущего супруга.

Алекс Флетчер, барон Ридсдейл, быстро поднялся и сделал несколько шагов навстречу невесте. Его изумрудные глаза не отрывались от ее сияющего юностью и красотой лица. Он и забыл, что девушка столь обворожительна. Их знакомство было недолгим, а вереница последующих событий и других женщин стерла из памяти ее лицо, которое по истине было достойно королевы. Обладать такой женщиной будет весьма приятно, особенно, когда он собьет с нее эту спесь, и научит покорности и послушанию. Его взгляд медленно скользнул по ее фигуре, облаченной в подаренный им наряд. Знала бы эта наивная дурочка, с кем имеет дело. Эта мысль неожиданно возбудила его, как и вид нежной округлости девичей груди в глубоком декольте. Как жаль, что свадьба завтра, он не прочь соблазнить юную красотку уже этой ночью. Слишком совершенна, Алекс напрасно пытался найти в ней недостатки, их не было. Возможно, у нее кривые ноги, но это он проверит завтра.

– Леди Элизабет, – склонившись в поклоне, с придыхание произнес Алекс. Взяв ее руку, он медленно поднес холодную ладошку к губам, и, подняв на девушку глаза, заметил, как ее щеки и шея залились румянцем. Подумать только, она ждала его почти два года. Ей уже семнадцать. В таком возрасте многие назвали бы девушку старой девой. А она, в свою очередь, тоже любовалась своим красивым женихом. Он был весь в черном, за исключением белоснежного шейного платка. Светлые волосы аккуратно зачесаны назад,

открывая очень правильные черты лица, но особенно поражали ярко-зеленые прозрачные глаза с длинными черными ресницами, они будили в ней трепет и желание покориться этому властному мужчине с обманчиво мягкими манерами и чувственной располагающей улыбкой. Высокий и стройный, он казался ей гораздо выше, чем она сама, хотя Элизабет никогда не считала себя маленькой.

– Вы еще прекраснее, чем я запомнил, – с улыбкой произнес Алекс Флетчер, отпустив руку девушки. Она снова смутилась, но ненадолго. Спустя каких-то пять минут юная леди полностью освоилась и уже всю болтала о всяких глупостях, засыпала Флетчера вопросами, и смеялась над его шутками. Он был действительно очарован ее красотой, живостью, серебристым и искренним звонким смехом. И ему льстила ее откровенная влюбленность, она не сводила с него голубых задумчивых глаз, а алые губы, словно созданные для поцелуев, так манили его прикоснуться к ним в пока еще запретной ласке.

Когда отец оставил молодых наедине, Элизабет совсем осмелела. Не смущаясь застывших, словно истуканы лакеев, она почти вплотную приблизилась к Флетчеру и взяла его руки в свои.

– Я так рада, что наша свадьба состоится уже завтра, – выпалила она, глядя на него томным взглядом. Алекс был искренне удивлен. По всей видимости, девушке тоже невтерпёж. И ее можно понять. Другие девушки в ее возрасте уже

воспитывают детей, а она еще ни разу.... Черт, эти мысли заставляли его забыть о приличиях. Он не мог отвести глаз от ее губ, тонкой шеи, выставленной напоказ груди. Алекс знал, что одно его желание, и уже этой ночью Элизабет стала бы его, но он не хотел рисковать. Ему нужна поддержка ее отца.

– А я был бы счастлив, если бы мы поженились сегодня. Прямо сейчас. – хрипло прошептал он, прижимая ее руки к своей груди.

– Один день ничего не меняет. Все уже решено... – она скромно опустила ресницы, но Алекс прекрасно понял, на что она намекает. Черт побери, упаси его Бог от страстной жены. Ему совсем не хотелось становиться рогоносцем, потому что он прекрасно знал цену женской верности, особенно если мужа частенько нет рядом. Похоже, ему не повезло. Ну, ничего со временем он сумеет накинуть на ее узду.

– Вы искушаете меня, мадам? – спросил он, чуть склоняя к ней голову.

– Вовсе нет. Всего один день, милорд. Мы ждали так долго, что значит какой-то день, – прошептала она, запрокидывая лицо, и глядя в его глаза. Алекс больше не мог противиться мольбе ее взгляда. Его губы властно и уверенно накрыли ее губы, сильные руки крепко обхватили тонкий девичий стан. Флетчер почувствовал, как забилося ее сердце. Он не хотел целовать, ее как любовник, ограничившись легким почти братским поцелуем, но ее пылкий ответ сводил с ума. И он потерял голову. Приоткрыв языком податливые

губы, он со стоном ворвался в сладкую глубину ее рта, руки нетерпеливо заскользили по стройной спине, погладили нежные плечи, властно прикоснулись к груди. Алекс услышал ее изумленный возглас, когда он запустил пальцы под корсет, но остановиться было уже очень сложно. Его поцелуй становился все глубже, а объятия крепче, опустив руки на ее бедра, он с силой прижал девушку к себе, чтобы она почувствовала мощь его возбуждения. В комнату в любой момент могли войти, но Алекса уже ничего не волновало, кроме женского тела в его руках, вздрагивающего от его прикосновений. После последних событий ему была невероятно приятна столь откровенная податливость. Он сам себе боялся признаться, как сильно нуждается в нежности, любви и утешении... Алекс опустился в кресло, увлекая за собой юную прелестницу. Посадив ее на колени, он скользнул губами в ее декольте. Опустив вниз корсет, барон обхватил губами розовый маленький сосок, чувствуя, как девушка, всхлипнув, запускает пальцы в его волосы. Он ласкал ее груди, то сжимая зубами розовые вершинки, то успокаивая их своим влажным умелым языком. Одной рукой он удерживал ее за талию, в то время, как другая уже забралась ей под юбку, скользнула по обнаженному бедру и подобралась туда, где уже было очень горячо.

– Не надо, – опомнилась Элизабет, но закрыв ее рот глубоким и страстным поцелуем, Алекс продолжил ласкать девушку умелыми движениями. Элизабет громко вскрикнула

и спрятала пылающее лицо на его груди, сжимая коленями его руку. И только, когда волна удовольствия отхлынула, девушка осознала, как бесстыдно вела себя, и как много позволила своему жениху. Подняв голову, она посмотрела в его полуприкрытые длинными ресницами глаза. Алекс Флетчер улыбался.

– Ты великолепна, любовь моя, – прошептал он. – Не стоит смущаться. Завтра ты забудешь, что такое стыд. И я еще сто раз спрошу тебя за мое терпение сегодня, – барон лукаво улыбнулся, поцеловав ее в кончик носа. – Пойдем, любимая. Нам нужно обоим остыть. Прогуляемся в саду.

Девушка с улыбкой согласилась. Поправив одежду, жених и невеста направились к выходу. Проходя мимо невозмутимых лакеев, Элизабет Невилл невольно опустила голову.

Уже в саду Алекс сообщил невесте, что он привез для нее новую служанку, которая будет сопровождать их в Прадхо. Когда по его приказу девушку привели, Элизабет с изумлением поняла, что бедняжка немая.

– Не думай, что она совсем еще ребенок, любимая. У нее есть опыт работы в богатых домах. Луиза строптива, но я уверен, что вы поладите.

– А она понимает, что я ей говорю? – скептически разглядывая молоденькую служанку, спросила Лиз.

– Да. Она все понимает. Правда, Луиза? – Алекс посмотрел на немую. И от внимательного взгляда Элизабет не укрылся ужас, отразившийся в детских глазах. Это была со-

всем еще девочка, не больше пятнадцати лет. Луиза поспешно кивнула, переведя взгляд на лицо новой госпожи. Лиз была неприятно удивлена, заметив в них неприязнь.

Кем бы не была эта синеглазая малютка, она явно не желала никому служить.

Свой характер новая служанка показала уже вечером. После ужина Элизабет вернулась в свою спальню, и вызвав Луизу, решила выяснить, что она может. Но девчонка или делала вид, что неуклюжа, или действительно была нерасторопна и ленива. У нее все валилось из рук, и она еле двигалась. Когда Элизабет велела расчесать перед сном ее волосы, новая служанка так резко дернула гребень, что вырвала у Элизабет клок волос. Это стало последней каплей. Влепив Луизе пощечину, она велела Саре выгнать ее из комнаты.

– Если в Ридсдейле вся прислуга так плохо обучена, то мне понадобится все мое терпение, а его, дорогая Сара, ты знаешь, у меня весьма немного.

– Да, мадам, – пряча улыбку, кивнула Сара. – Я могу поехать с вами.

– Да, так будет лучше. Луиза тоже поедет, но только ради уважения к моему супругу. Я ее больше и близко к себе не подпущу.

Глава 2

Бракосочетание между Элизабет Невилл и бароном Ридсдейлом состоялось в торжественной обстановке около полудня в замке. Алекс настоял, чтобы Элизабет надела подаренное им платье, а сам снова облачился в черный костюм. Из-за срочности гостей было немного, только отец, его несколько друзей с женами и рыцари, с которыми прибыл счастливый молодожен. Мачеха Элизабет и братья новобрачной гостили у сестры Томаса Перси – леди Маргарет, графини Камберленд в соседнем замке Скиптон, и не успели вернуться к бракосочетанию. После подписания всех бумаг и церемоний состоялся свадебный банкет в тронном зале, украшенном цветами. Стол ломился от различных яств, играла музыка, гости поздравляли молодоженов, а молодая жена считала часы до брачной ночи. Нерадивая служанка даже на банкете смогла испортить настроение своей госпоже. Подавая красное вино, девушка пролила бокал на ее подол. Побледнев от ярости, но не смея в присутствии гостей бить прислугу, Элизабет грубо оттолкнула Луизу и велела покинуть зал.

В отличии от юной жены, барон счел этот инцидент забавным.

– Не переживай, любовь моя, я куплю тебе столько платьев, что сама королева обзавидуется. – пообещал он.

– Девушка еще молода. Дай ей время.

- Она дикарка и ненавидит меня, – пожаловалась Элизабет. – Будет лучше, если она перейдет работать на кухню.
- Поступай, как знаешь. Сегодня я твой раб, но завтра...
- он посмотрел в ее глаза долгим пронзительным взглядом.
- Ты должна знать, Элизабет, что быть женой воина не так-то просто.
- Я сделаю все, чтобы ты не был разочарован во мне.
- Я очень на это надеюсь, – улыбнулся Алекс, коснувшись губами ее руки.

В самом разгаре застолья веселье неожиданно было прервано. В тронный зал, громко стуча сапогами и латами, вошли несколько мужчин, закованных в броню, забрызганную грязью. Было видно, что они только с дороги. Гости умолкли, уставившись на неожиданных путников, нарушивших веселье. По их усталым суровым лицам, графиня поняла, что случилось что-то страшное. Ее супруг быстро поднялся из-за стола и направился к прибывшим рыцарям. Вместе они покинули тронный зал. Растерянная Элизабет прижала к груди похолодевшие ладони, пытаясь побороть ощущение предстоящей беды. Барон Нортумберленд решил разрядить обстановку и предложил гостям не дожидаться возвращения жениха и продолжить праздник. И снова понеслись поздравления, рекой полилось вино, и только молодая жена была бледна и немногословна.

Ее муж вернулся к гостям через полчаса, но только для того, чтобы оповестить всех, что вынужден срочно уехать. Его

замок в Ридсдейле захватил граф Ричард Мельбурн, и ему нельзя тянуть ни минуты. Элизабет была близка к обмороку, гости поспешно разошлись по комнатам. В тронном зале остались только трое: белая, как полотно, невеста, мрачный и суровый жених и растерянный барон Нортумберленд.

– Моя дорогая, возлюбленная Элизабет, – обратился Алекс к новобрачной. – Видит Бог, больше всего на свете я хочу остаться с тобой, но сами небеса посылают нам новое испытание.

– Скажи, что я еду с тобой, – в глазах девушки заблестели слезы.

– Нельзя. Я не знаю, что ждет меня по дороге. Какие заставы приготовил Мельбурн. Слишком опасно ехать сейчас. Эти люди беспощадны. Я не могу рисковать тобой, любимая. Тебе лучше дожидаться меня здесь в доме отца, под его защитой и покровительством. Теперь с помощью барона я сильнее. Я отвою в свой замок и вернусь за тобой. Ты так долго ждала меня. Теперь я твой муж, и ты должна подчиниться.

Залившись слезами, несчастная Элизабет долго пыталась убедить мужа изменить свое решение, но он был непреклонен, и отец поддерживал его сторону.

Словно в тумане, новоиспеченная баронесса Ридсдейл провожала своего мужа в дорогу. Слез стекали по ее бледным щекам, и когда Алекс наклонился, чтобы поцеловать безутешную жену, она крепко обняла его плечи, закованные в латы.

– Поклянись, что вернешься за мной, чтобы не случилось. Дай мне слово, – попросила она.

– Я вернусь за тобой, моя дорогая жена. – поклялся Александр Флетчер, барон Ридсдейл, – обещаю, это наша последняя разлука. Береги себя.

– И ты. Я буду молиться о твоем здравии, – прошептала девушка. Алекс запечатлел на ее губах прощальный поцелуй и, махнув рукой, вскочил на коня.

Элизабет долго смотрела вслед своему мужу. Уже стемнело, когда она вернулась в свою спальню, чтобы провести свою первую брачную ночь в одиночестве. И все ее слуги до самого утра слушали, как горько всхлипывала леди Элизабет Невилл, баронесса Ридсдейл.

А утром обнаружилось, что новая служанка пропала. Элизабет была слишком расстроена, чтобы огорчиться или обрадоваться по этому поводу. Она ходила по дому, словно призрак, упорно не снимая изумрудное платье, которое подарил ей муж. Никто не мог успокоить ее, никто и не пытался. Каждое слово, каждый сочувствующий взгляд, вызывали в ней вспышку гнева. Досталось даже обеспокоенному барону. Но больше всех пострадала внезапно нашедшаяся к обеду служанка. Элизабет столкнулась с ней во дворе. Луиза шла ей навстречу, ее подол был в грязи, волосы выбились из-под простенького белого чепца и растрепались.

– Где ты была? – едва сдерживая свое негодование, спросила Лиз. Девушка отпустила свои синие васильковые глаза

и заправила ч темный локон за ухо. – Отвечай мне сейчас же! – закричала баронесса и ударила не соизволившую даже поднять глаза служанку по лицу. Красный след от пощечины медленно расплылся по бледной щеке девочки. Она, наконец, взглянула в разгневанные глаза Элизабет, но что это был за взгляд. Лютая ненависть и неприкрытое презрение. – Как ты смеешь так на меня смотреть? – воскликнула Лиз, но что-то в позе и глазах Луизы заставило ее удержаться от продолжения побоев. Взмахнув подолом платья, Элизабет быстро направилась к конюшне.

– Иди за мной. Будешь меня сопровождать. Я еду кататься, – она даже не обернулась, чтобы убедиться, что непокорная служанка последовала ее приказу, иначе, Элизабет Невилл обратила бы внимание на торжествующую улыбку на смуглом лице Луизы.

Баронесса оседлала своего любимого белоснежного крепконового жеребца, а служанке выбрала строптивную старую клячу. Расхохотавшись, Элизабет смотрела, как девочка неуклюже взбирается на фыркающую лошадь.

Стеганув своего жеребца, Лиз пустилась в галоп по полю. Только ветер и чувство свободы могли сейчас успокоить ее, смягчить раненное сердце. Она не знала, поспекает ли за ней Луиза, ей было все равно. В этих полях Элизабет чувствовала себя уверенно и спокойно. Она сидела на жеребце, как мужчина, не смотря на все отповеди отца. Девушке необходимо было чувствовать животное, его силу, и поэтому

она не пользовалась седлом. Иногда после особенно быстрой встряски у нее болело чувствительное заднее место. Но это было незначительным неудобством, по сравнению со всепоглощающим чувством свободы и всплеском адреналина, которые ей дарили быстрые скачки.

Ее мысли отключились, и она смотрела только на горизонт. Давно закончились живописные долины и холмы, вдалеке появились небольшие причудливых форм рощицы, разбросанные повсюду, словно шахматные фигуры на доске. Элизабет представила, как разгневался бы отец, узнай, в какую даль забралась его дочь. Ей и самой стало не по себе. Она обернулась. Вокруг ни души. Луиза или отстала, или вернулась в поместье. Остановившись возле неглубокого с низкими краями водоема, берега которого заросли вереском, девушка решила передохнуть и дать своему жеребцу попить. Спешившись, она присела на траву возле дерева, и снова загрустила. Ей вспомнилось красивое лицо Алекса, его горячие поцелуи и ласки. Сколько еще она должна ждать? Ее сердце разрывалось от обиды. Впервые ее каприз не был исполнен. И она ненавидела весь мир за то, что он не может ей дать желаемое.

Юная баронесса встрепенулась, услышав стук копыт где-то совсем недалеко. Может, это отец послал за ней своих людей? Пронеслась в ее голове спасительная мысль. Вскочив на ноги, девушка выглянула из-за дерева. Действительно со стороны поместья приближалась небольшая группа всадни-

ков. Но они были в доспехах, а зачем людям отца заковывать себя в латы, чтобы отыскать запозднившуюся дочь. Страх заставил ее собраться. Ждать здесь приближение воинов бессмысленно, даже если это люди графа Нортумберленда. Она находится за пределами графства и без сопровождения. Совершенно одна, в поле, а вокруг ни души.

Недолго думая, Элизабет вскочила на коня, и пустила его во весь опор. Девушка знала дорогу к резиденции графа Нортумберленда – замку Споффорд, и свернула на нее. Если ей удастся скрыться от незнакомых всадников, она спасена. Надеяться на то, что ее не заметили, было глупо, а развивающийся подол ее платья для них все равно, что красная тряпка, для быка.

Она неслась вперед, все сильнее стегая своего жеребца, один раз девушка осмелилась обернуться, и ее худшие подозрения оправдались. Всадники скакали прямо за ней. И их кони были быстрее. С отчаяньем пойманной птички, Элизабет поняла, что не дотянет до замка своего дяди. В ее сапоге был кинжал, но чем он мог помочь ей в сложившейся ситуации? Стиснув зубы, баронесса остановилась и, развернув своего коня, поехала прямо на всадников. Она не даст загнать себя, словно испуганную мышь.

Зловещие всадники на черных вороных жеребцах остановились, когда она поравнялась с ними. Ни один из них не сказал ни слова и не поднял забрало. Для Элизабет было важно увидеть их лица, чтобы понять намерения, с которыми

ее преследовали. Она понимал, как невыгодно выглядит в их глазах. Волосы рассыпались по плечам, декольте съехало вниз, слишком сильно открывая грудь, подол платья неприлично высоко задран.

– Я леди Элизабет Невилл, господа. Вы находитесь на земле Генри Перси, графа Нортумберлендского, моего дяди. Могу я спросить, кто вы и зачем преследуете меня, – переводя дыхание и переборов страх, уверенно и громко спросила Элизабет. Ничто в ней не выдавало страха. Ее глаза смотрели даже несколько надменно на молчаливых воинов. Неожиданно они начали двигаться, окружая девушку со всех сторон. Вздернув голову, она снова обратилась к всадникам.

– Я проявила беспечную оплошность, уехав так далеко и одна. Но за мной следует моя служанка. Она знает, где я. И мой отец, смею вас заверить, очень влиятельный человек. Его люди уже скоро будут здесь. Вы могли бы помочь заблудившейся леди и проводить ее домой? Граф не пожалеет золота, уверяю вас.

Один из всадников приблизился к ней. Элизабет прочувствовала, как все похолодело внутри. За его широкой спиной она не сразу увидела свою немую служанку. Девушка доверчиво обнимала за талию огромного рыцаря в доспехах, ее глаза полыхнули на Элизабет с откровенным злорадством.

– Ваша служанка, мадам, ничего не сообщит вашему отцу. А вы, баронесса Ридсдейл, больше не леди, а наша пленница, – голос всадника был холоднее стали. Элизабет почув-

ствовала, как краска отлила от лица. Жеребец, держащий на себе мужчину, от которого исходила опасная сила и враждебность, медленно приблизился. Девушка в страхе сжала поводья, ее конь дернул копытами, но остался стоять, как вкопанный. Внешне Элизабет оставалась спокойной и полной достоинства. Резким движением всадник снял с себя шлем. Его ледяные безжалостные глаза впились в ее лицо, заставив ее онеметь от ужаса. Кем бы ни был этот человек, Элизабет поняла, что пощады ей не будет. В синих прозрачных глазах плескалась смерть и ненависть. Волосы, цвета воронова крыла, рассыпались по его плечам, обрамляя свирепое лицо. Перед ней был сам дьявол во плоти. В отчаянье девушка взглянула в глаза Луизы, но в них было такое же выражение. Боже, у них были одинаковые глаза и волосы.

– Кто вы... – осипшим голосом спросила Элизабет.

Губы мужчины дернулись в жесткой усмешке.

– Я твой самый страшный кошмар, дорогая баронесса. Я граф Ричард Мельбурн. И у вас есть кое-что, что принадлежит мне.

Сняв перчатку, Мельбурн протянул руку и с силой рванул ожерелье с ее груди, вырвал серьги из ушей, разорвав мочки девушки.

– Как вы смеете? – воскликнула Элизабет. Она не чувствовала боли. Только леденящий ужас. Ярость поднялась из глубин ее души, придав смелости. Элизабет не собиралась молчать и покоряться судьбе. Ее не возьмешь голыми рука-

ми. Пока она может говорить, кусаться и драться, им не сло-
мить ее.

– Вы – грязный разбойник. Я знаю, кто вы. Вы напали на
земли моего мужа. Вы сорвали мою свадьбу, захватили за-
мок Алекса, вырвали у меня его подарок, вы просто чудови-
ще, милорд. Если вы думаете, что мое похищение что-то ре-
шит, то заблуждаетесь. Мой муж придет за мной и убьет вас
всех.

– Может быть, – усмехнулся Ричард Мельбурн. Ни одни
мускул не дрогнул на его лице, пока он слушал ее тираду.

– Я жду его, баронесса. И я бы очень хотел, чтобы вы вы-
полнили одно мое желание. Только, прошу вас, мадам, не
заставляйте меня применять силу. Мне не нравится ваша
строптивость. Будьте любезны, спуститесь с лошади, снимите
платье и отдайте его мне.

– Что? Вы спятили, милорд? Я леди, и не собираюсь раз-
деваться перед вами и этими мужланами, – откинув голову,
Элизабет высокомерно улыбнулась.

Мельбурн стиснул челюсти, и баронесса, была уверена,
что в его зрачках вспыхнули адские огни. Но никак не ожи-
дала того, что он сделал потом. Размахнувшись, Ричард уда-
рил ее по лицу, с такой силой, что она слетела с лошади, и
упав на землю, подвернула ногу. Больше она не улыбалась.
От удара у нее поплыло перед глазами. Щека саднила. Мас-
сивный перстень на его пальце разорвал кожу, она почув-
ствовала, как струйка теплой крови потекла по лицу. Стук-

нув перчаткой по колену, граф Мельбурн бесстрастно посмотрел на нее, и повторил:

– Платье, баронесса. Не заставляйте меня и моих друзей помогать вам раздеваться. И не надейтесь, что кто-то из них придет к вам на помощь. Я еще добряк, по сравнению с ними.

– Нет. Я не стану, – крикнула Элизабет, собрав остатки сил и поднимаясь на ноги. – Лучше убейте меня.

В безжалостных, горящих презрением глазах графа мелькнуло подобие удивления.

– Я смотрю, вы и дальше собираетесь осложнять свою судьбу, мадам, – ледяным тоном сказал он, спрыгивая с лошади. Мельбурн подошел почти вплотную, но девушка не отшатнулась в страхе. Безрассудная ярость загнанной волчицы сверкала в широко распахнутых глазах. Кровь лилась из разорванных ушей и расцарапанной щеки ей на плечи грудь, но они ничего не замечала, не моргая глядя в страшные глаза своего обидчика.

– Я хочу кое-что прояснить, – спокойно сказал Мельбурн, но тон его голоса был обманчив. – Я не убью вас, мне не нужен выкуп, и даже земли твоего возлюбленного супруга больше не имеют для меня никакого значения. Отныне ты моя собственность, и я заставлю тебя умолять меня о смерти. Я заставлю пройти тебя девять кругов ада, медленно, изощренно и жестко, один за другим, а потом верну тебя твоему любимому, если, конечно, ты еще будешь ему нужна. А те-

перь я последний раз повторяю. Сними это чертово платье, или я разрежу его прямо на тебе, – последнюю фразу он по слогам прокричал ей в лицо. Но в глазах девушки не отразилось испуга. Она, молча, взирала на огромного мужчину в железных доспехах, ей нечего было сказать ему. Он уже все для себя решил.

Потеряв терпение, Мельбурн выругался, и схватив рукой край ее платья на груди, резко рванул вниз. Ткань затрещала под напором нечеловеческой силы и поддалась. Разорванное на две части, платье упало к ногам девушки, оставив ее только в нижней сорочке и белье. Но она не отвела взгляда от лица Мельбурна. С достоинством королевы, она стояла почти обнаженная на глазах у молчаливых всадников, гордо поднимая голову. И когда граф снова ударил ее, девушка упала, потеряв сознание. Это спасло ее от дальнейших издевательств. Она не чувствовала, как двое всадников связали ее, и завернув в плащ, перебросили через лошадь, словно мешок с мукой. Процессия двинулась вперед, граф Мельбурн впереди, а всадник с пленницей ехал последним.

– Нужно поспешить, если хотим успеть в лагерь до темноты, – обернувшись, скомандовал Ричард.

Теперь Луиза сидела впереди него, и ему так было гораздо спокойней. Уставшая и обессиленная она льнула к лошади, Мельбурну приходилось одной рукой придерживать сестру, и лишь поэтому он не перешел на галоп. Бедная девочка нуждалась в отдыхе после всего, что пережила. Ричард до

боли сжал челюсти, вспомнив, все, что она поведала ему о своем пленении и о тех страшных минутах в замке Мельбурн, о мучениях, которым подверглись его близкие и друзья, его любимая жена. Луиза притворилась, что потеряла дар речи, после того, что с ней сотворил Флетчер, и этим спасла себя. Да, еще и помогла своему брату захватить жену Алекса Флетчера, этой мерзкой скотины, который после всех злодеяний, учинённых над семьей Мельбурна, преспокойно отправился жениться на богатой зазнавшейся девице. Ничего, эта выскочка Невилл еще пожалеет, что он не убил ее сразу.

– Мельбурн, – поравнявшись с ним, неуверенно начал Роберт Холл. Они так много прошли вместе, что теперь были все равно, что братья. – Я насчет этой... Ну, Невилл... – Роберт умолк, стоило Ричарду бросить на друга тяжелый взгляд.

– Прежде чем задать мне этот вопрос, Роберт, вспомни, как вернувшись с победой из военного похода, ты нашел в тронном зале растерзанные тела своей сестры, ее сына и своего младшего брата с выпущенными кишками. Вспомни, как мы омывали и хоронили наших любимых и близких. А теперь может задать свой вопрос, Роберт.

Лицо рыцаря потемнело, в карих глазах промелькнула боль, и он, опустив голову, ничего не сказал.

– На войне жалости не место. Все равно, кто она шлюха, или графиня. Никто не пощадил наших близких. Они все

мертвы, – яростно проговорил Ричард Мельбурн, обращаясь ко всем. – И, если вы забыли, что сделал ее муж, которого она сегодня так защищала, раскопайте могилы своих любимых, и плюньте им в лицо, это будет равносильно тому, если вы сегодня проявите снисхождение к этой девице, которая без сомнения достойна своего супруга. Она смотрела на нас, как на какой-то сброд, но мы заставим эту гордячку лизать наши ноги.

– Скорее бы, – криво усмехнулся Дэвид Купер, известный своей жёсткостью по отношению к женщинам.

– Твой час настанет, Купер, – хмуро кивнул ему Мельбурн. Воины Флетчера замучили его сестру, но и сам Дэвид во время походов не гнушался насилием над деревенскими девушками.

– Та еще штучка, люблю таких, с характером, – Купер расхохотался.

– Тебе не нужно ее любить, – холодно ответил Ричард.

– Я не собирался. Я другое имею в виду. Ты не против, если я буду первым?

– Черт, Дэвид, поубавь пыл, – внезапно разозлился граф. – Я еще не решил, что буду с ней делать.

– Ну, если ты сам....

– Я до нее не дотронусь, – в голосе Мельбурна прозвучало отвращение. – Она насквозь воняет Флетчером. И я устал от твоей болтовни. Заткнись свою грязную глотку, пока я не рассердился. Луиза сообщила мне важные вести. Оказыва-

ется, у Флетчера есть сестра, и сейчас она в Прадхо под охраной его людей. Нужно достать эту девку, чего бы это нам ни стоило.

– Уж, если дочь Дарси выкрали, то что нам стоит умыкнуть глупую сестрицу ублюдка Флетчера, – подал голос Роберт Холл.

– Да, но сначала нужно доставить нашу гостью домой, в Мельбурн, – Ричард жестко усмехнулся.

Элизабет проснулась от удара об землю. Ее окружала темнота, все тело ломило от боли, и она не могла пошевелиться. Руки и ноги девушки крепко связали. Она слышала голоса, много мужских голосов. Грубый смех, ругательства, вульгарные намеки на ее счет. Элизабет несколько раз дернулась всем телом, и ей удалось высвободить голову из грубого, дурно пахнущего покрывала, царапающего ее нежную кожу. Девушка сразу пожалела об этом. Ее бросили на землю возле разведенного костра, в самом центре большого палаточного лагеря. Сотни мужчин ходили взад-вперед, гремя доспехами и оружием, бросая на нее любопытные и откровенно похотливые взгляды. Совсем рядом небольшая группа женщин готовила еду. Судя по их откровенным платьям и слишком громкому смеху, это были походные шлюхи. У самой большой палатки, больше похожей на шатер, стояла Луиза. Ее волосы были распущены, на плечи наброшена дорогая отороченная мехом накидка, из-под которой виднелся

подол платья из хорошей ткани. Луиза смотрела прямо на нее. Криво улыбнувшись, вчерашняя служанка, скрылась в шатре. И через минуту появилась вместе с Ричардом Мельбурном. В сумраке ночи его глаза, остановившиеся на ней, казались черными. Этот дьявол не оставит ее в покое, пока она жива. В его взгляде читался приговор, который не будет обжалован, чтобы она не делала. Элизабет сдержала отчаянный стон, прикусив губы. Она не была готова к новой схватке, заранее проигранной. Все ее мышцы болели, лицо горело, она не чувствовала ног, но все равно не собиралась сдаваться.

– Наша принцесса проснулась и готова к развлечениям, – громко объявил Мельбурн.

Все звуки и голоса стихли. Воины и солдаты, даже их шлюхи, как по приказу, устали на нее. Холодный липкий пот заструился по напряженной до боли спине Элизабет Невилл. Она снова посмотрела на ненавистного графа. Он успел снять доспехи, без которых уже не выглядел таким огромным, но все равно его мощная, бугрящаяся мускулами фигура заставляла девушку сжиматься от страха. Граф приблизился к ней. Он был одет только в белую рубашку и кожаные штаны, на бедре висел вынутый из ее сапога кинжал. Взяв за край покрывала, он вытряхнул ее на землю. Мужчины, до этого момента, взирающие на нее неподвижно, начали приближаться, в глазах их светилась звериная похоть. А она ничего не могла сделать. Сорочка сползла с ее плеча,

обнажая одну грудь, подол нижней юбки задрался до самых бедер. Связанная по рукам и ногам девушка была совершенно беззащитна. А это животное, этот Дьявол – Мельбурн, с улыбкой победителя наблюдал за ее унижением.

– Что, леди Ридсдейл, больше не брыкаешься? – язвительно спросил он.

– А ты сначала развяжи меня, ублюдок, – яростно ответила Элизабет. Она увидела, как темная бровь удивленно поползла наверх. Отблески огня отразились в синих глазах. Он ничего не ответил, наблюдая за ней с отрешённым задумчивым взглядом. Присев на корточки, Мельбурн вынул из ножен ее кинжал, и не сводя с глаз с побледневшего перепачканного кровью лица своей жертвы, и поднес лезвие к девичьей шее. Элизабет судорожно сглотнула. Острый кончик царапал ее кожу, и она старалась не двигаться.

– Ты не убьешь меня. Это блеф, – неожиданно выпалила она. Губы графа тронула жестокая усмешка. Медленным движением он спустил кончиком кинжала рубашку с другого ее плеча, а потом резко разрезал веревку на ее ногах. Теперь юная Невилл была обнажена по пояс. Она уже догадалась, что за участь приготовил для нее Мельбурн. От одной мысли, что ей предстоит пережить, ее кровь стыла в жилах.

– А руки? – отчаянно дернувшись, спросила она. Ответом ей был непроницаемый взгляд.

– А зачем тебе руки? – почти ласково спросил он. – Вдруг царапаться начнешь. Мои люди слишком устали, что-

бы драться с дикой кошкой.

– И это люди? – она обвела глазами, облизывающихся на ее тело и только и ждущих команды хозяина, псов Мельбуерна. – Только животное может напасть на беззащитную женщину.

– Ты права, моя милая. Но эти, как ты выразилась животные, не всегда были такими. И лучше не зли их, тебе же дороже, – он обернулся и позвал высокого рыжеволосого мужчину.

– Помнится, Купер, ты первым занял очередь. Назначаю тебя ответственным. Проследи, чтобы эта сука не сдохла. Он перевел взгляд еще на одного своего соратника.

– Остановите представление, когда с нее будет достаточно, – и только потом обернувшись, бросил на нее страшный взгляд.

– Нет, нет, – закричала Элизабет, со всех сил, отталкиваясь ногами от земли, – Вернись, ты не можешь так со мной поступить. Мой муж убьет вас, убьет вас всех. Отец обратится к королю, вас всех вздернут... – она кричала, пока не охрипла.

Мельбуерн не обернулся. И он не стал наблюдать за оргией, которая разыгралась, как только он скрылся в своей палатке. Мельбуерн слышал истошные вопли девушки, и беспощадный смех мужчин. Это была его месть, но он не чувствовал удовлетворения, и не мог остаться, чтобы наблюдать.

К горлу подкатила тошнота. Мельбуерн подошел к ковшу

с водой и сполоснул лицо. Его взгляд остановился на Луизе. Девочка лежала на куче одеял, и смотрела на него широко распахнутыми глазами, в которых застыл ужас.

– Все в порядке, малышка, – мягко сказал он, садясь рядом с ней. Луиза села и уткнулась лицом в грудь брата. Она зарыдала, отчаянно и громко. Ричард шептал какие-то успокаивающие слова, глядя ее по волосам, а его рубашка давно намокла от слез.

– Я не хотела, чтобы она прошла через это, – прошептала Луиза. – Никто не заслуживает такого. Я не хотела, не думала, когда отвела вас к ней. Она ни в чем не виновата, и ничего не знает о ... нем.

– А ты виновата, Лу? – приподняв лицо сестры за подбородок, Ричард посмотрел в заплаканные глаза. – А моя жена виновата? А близкие всех тех мужчин, которые сейчас чувствуют хоть какое-то успокоение от мести?

– Мсть не приносит удовлетворения, она превращает нас в того, кому мы мстим, – произнесла Луиза. – Я не думала, что ты способен на такое зверство.

– А, может быть, во мне не осталось ничего от того, кем я был несколько месяцев назад.

– Это не так. Ты зол, ты в ярости. Твоя душа ослеплена гневом, но, когда прежний Ричард вернется, он будет горько жалеть....

– Нет, Луиза, – покачал головой Мельбурн, – Ты – дитя. И многого не понимаешь. Есть вещи, которые нельзя забыть

и простить. Убить Алекса Флетчера слишком просто, а вот заставить страдать и пройти муки ада, в которых пребываю сейчас я, вот, что мне нужно. Я и не остановлюсь, даже не проси.

Ричард крепче прижал сестру к своей груди. Отчаянные хриплые крики Элизабет Невилл, полные боли, больше не трогали его. Как он может забыть.... Закрыв глаза, он снова вспомнил синее маленькое тельце своего мертвого сына, найденное в кровати жены. Он похоронил их в одной могиле. Похоронил сам, но прежде омыл их тела, одел Марию и завернул в одеяло ребенка. Никто не способен перенести боль, выпавшую на его долю. И ему уже никогда не оправиться и не стать прежним. Его сердце было похоронено в той могиле, где покоилась его несчастная жена и сын, так ни разу и не увидевший солнечный свет.

Проснувшись с первым лучом солнца, Мельбурн не сразу понял, где находится. Так бывает, если приходится постоянно передвигаться. Отодвинув мирно посапывающую сестру в сторону, он поднялся и, ополоснув лицо, водой вышел на улицу.

В лагере было тихо. Повсюду валялись пустые фляги из-под вина, воины спали в своих палатках, посреди лагеря тлели угли вчерашнего костра. Заметив Роберта Холла, который дремал сидя, возле груди покрывал. Его рука крепко сжимала меч. Услышав чьи-то шаги, Роберт выпрямился и выкинул вперед руку, направив меч на Мельбурна. Но, узнав в

приближающемся мужчине своего хозяина, опустил оружие.

– Это ты, – сказал он с облечением, устало проводя рукой по лицу. Он кивнул в сторону груди тряпья, и только сейчас Ричард заметил бледную руку, выглядывающую в складках брошенных на землю одеял. – Только не говори, что она сдохла.

– Нет. Мне всю ночь пришлось отгонять этих псов. Она едва жива и истекает кровью. Должен сообщить, что твоя месть удалась. Этот ублюдок Флетчер не успел исполнить свой супружеский долг, умчавшись отвоевывать свои земли, как только ему донесли, что мы осадили Ридсдейл. Ты погубил невинную девушку.

– Это она тебе сказала? – скептически усмехнулся Ричард.

– Она была не в состоянии говорить. Купер похвастался. И что нам теперь с ней делать? Девчонке нужен доктор.

– А шлюхи, которые путешествуют с нами, не сгодятся? Они же женщины, знают, что нужно делать, когда клиент перегнул палку.

– Один клиент, а не десять человек.

– Так мало? – скривившись, Ричард в притворном удивлении приподнял брови. Роберт смотрел на него, не скрывая осуждения.

– Я не узнаю тебя, Мельбурн, – сказал он, осуждающе качая головой.

– А это и не я. Больше нет Ричарда Мельбурна, благородного рыцаря в сверкающих доспехах.

С этими словами, граф развернулся, и отправился в шатер.

– А если сучка сдохнет, Роберт, спрошу с тебя, – бросил он ему напоследок.

Выругавшись, мужчина посмотрел на несчастную девушку, чей силуэт едва вырисовывался под одеялом. Его поражала сила духа хрупкой женщины. Перенести такой ужас, не пролив ни единой слезинки и сопротивляясь до самого конца. Он осторожно откинул край покрывала, чтобы посмотреть на ее лицо. Пара безжизненных бледно-голубых глаз смотрела прямо на него. Сначала Роберт испугался, решив, что она мертва, но потом заметил, как она сжала пересохшие окровавленные губы. Ее били по лицу, потому что она кусала своих насильников. В изможденной грязной, покрытой синяками и абсолютно голой девушке с трудом можно было узнать вчерашнюю красавицу с надменным взглядом. Волосы скатались в грязный колтун, лицо опухло от побоев.

– Жива? – проглотив образовавшийся в горле комок, спросил Роберт Холл. Девушка едва заметно кивнула. – Пить хочешь? – и снова короткий кивок.

Роберт поднялся, испытывая огромное облегчение. Похоже, девушка не из слабого десятка, и выкарабкается. Он пошел в палатку, где спали женщины. Разбудив самую старую из них, Марису Брут, он шепотом велел ей идти с ним, прихватив воды, вина и чистую одежду.

Роберт отвернулся, пока старая шлюха стирала с тела

Элизабет Невилл кровь и грязь, и одевала ее. Ни одного сто-на, ни одного звука не донеслось до его слуха, а только при-читания Марисы, потрясенной тем, что сделали с девушкой мужчины. Элизабет одели в серое платье из грубой ткани, на ноги надели стоптанные ботинки и накрыли плащом. Свер-нувшись калачиком, она не моргая, смотрела на тлеющие уг-ли, губы ее были плотно сжаты.

– Как она? – спросил Роберт у Марисы, когда она закон-чила. Вода в ковше, из которого женщина обмывала Элиза-бет, окрасилась в красный цвет.

– Плохо, но жить будет. Не двинулась бы умом. Странная она какая-то. Ни шелохнётся, ни заплачет, – ответила Мари-са. – Не знаю, как вы ее повезете.

– Это не твоя забота. Возвращайся и отдыхай. Скоро вы-езжаем.

Глава 3

Весна. Замок Мельбурн.

– В чем дело, Роберт? – опрокинув на стол кубок с вином, закричал граф Мельбурн, резко поднимаясь на ноги. Огромное количество алкоголя дало о себе знать, и Ричард пошатнулся, вновь упав в массивное дубовое кресло. Запустив пальцы во включенные черные волосы, он тряхнул головой, пытаясь справиться с приступами тошноты и головокружения.

– Черт побери, это всего лишь девица, – хрипло проговорил он. – И вы целый месяц не можете мне ее достать, – Мельбурн бросил на друга полный ярости взгляд.

– Милорд, Прадхо хорошо охраняется. После пропажи дочери, Томас направил в замок внушительную армию, а граф Нортумберленд разослал своих шпионов по всему Пограничью. Перси сделает все, чтобы разыскать свою дочь. И я слышал, что он сам собирается прибыть в Прадхо. Он уверен, что Элизабет похитили разбойники с целью выкупа. Было бы неразумно сунуться сейчас в замок. Мы недостаточно сильны, чтобы противостоять Нортумберлендам. Если похитить сейчас Беатрис Флетчер, мы можем пустить их по нашему следу. Неужели вы хотите пойти войной на столь могущественный клан, милорд? И ради чего? Алекс Флетчер не спешит потребовать свою жену обратно, если, вообще, догады-

вається, що вона у нас. А к вашей мести Томас Перси и его брат не имеют никакого отношения. И, если Флетчер не спешит сообщить своему тестю о личной вражде с вашим сиятельством, то и нам не стоит высовываться.

– К черту твои разглагольствования, – подняв руку оборвал собеседника граф Мельбурн. – Я не успокоюсь, пока не истреблю всех, кто имеет хоть какое-то отношение к подонку Ридсдейлу. Я даю вам срок – один месяц. И, если, к истечению этого срока вы не достанете мне девицу Флетчер, я соберу армию и пойду походом на Прадхо.

– Как вам будет угодно, милорд, – не скрывая неодобрения, кивнул Роберт Холл.

Его пронизательный взгляд скользнул по мятой, распахнутой на груди рубашке графа, он явно ходил в ней не первый день, а, судя по спящим прямо за столом собутыльникам, которые выглядели не лучше Мельбурна, пьянка не прекращалась с тех пор, как сэр Роберт Холл и несколько воинов тайно покинули замок под покровом темноты, а, следовательно, Ричард не просыхал последние четыре дня. Неудивительно, что от него разит, словно от бочки с забродившим вином.

Роберта не на шутку тревожило состояние графа. После беспощадной чудовищной расправы над жителями замка, учиненной бароном Ридсдейлом, Ричард совсем потерял голову. Конечно, причины были, и очень веские. И Роберт тоже многое потерял в одночасье, но, когда каждый день име-

ешь дело со смертью, смотришь ей в лицо, споришь с ней, пытаешься обхитрить, начинаешь привыкать к ее присутствию, как бы дико это не звучало, и к тому, что смерть всегда умнее и всегда впереди. Окунув свои руки по локоть в кровь врагов, а иногда и невинных жертв, Роберт чувствовал себя глухим, очерстневшим. Он был твердо уверен, что Флетчеру нужно отомстить, и только месть освободит их души от боли утраты, но, не теряя при этом головы, без риска проиграть самим в неравной схватке. Ричард же был ослеплен яростью. Он был готов броситься на любого, кто не согласен с ним, он даже внешне переменился. Прежде всегда уравновешенное красивое лицо с чувственной улыбкой, которая кружила голову многим женщинам, приобрело звериное дикое выражение, а сардоническая усмешка, иногда кривившая губы графа, только усиливала впечатление. Граф перестал следить за собой, он не мылся неделями, беспробудно пил и засыпал, где придется и с кем придется, забросил хозяйство, и никого не принимал, даже держателей его земель, которые ежемесячно приносили ренту. Роберт сам был крупным арендатором Мельбурна, но пока его друг детства и соратник пребывал в состоянии безумия, он принял все тяготы управления поместьями графа на себя. Сборы налогов с крестьян и наместников, обеспечение продуктами обитателей замка, оборона границ графства и многое-многое другое легло на плечи Роберта Холла, но Ричард не только не проявлял благодарности, но еще и выливал на друга свою

ядовитую ярость и бешеную злобу. Если бы Роберт верил в одержимость демонами, то мог бы предположить, что полгода назад в графа Мельбурна вселился целый легион злых духов.

– Я прикажу слугам убрать здесь, – спокойно сказал Роберт, отрывая кусок остывшей курицы, но, так и не осмелившись его съесть. Кто знает, как давно здесь не убирали. Из-за вспышек бешенства, которые порой совершенно внезапно накатывали на Ричарда, даже слуги сторонились его, и старались не попадаться на глаза.

– Давай, Ричард, вставай, – Роберт протянул руку другу. – Я провожу тебя в спальню, прикажу девушкам принести ванну и приготовить чистое белье, чтобы ты мог помыться... – Холл взглянул на впалые щеки графа, покрытые щетиной. – И побриться тебе не помешает, если ты не собираешься отпустить бороду.

Ричард усмехнулся и отрицательно мотнул головой, в мутных глазах промелькнуло человеческое выражение.

– Ты прав, Роберт, я должен взять себя в руки. И пусть эти бездельники, – он окинул взглядом спящих за столом приятелей, – убираются ко всем чертям. Мне все надоели.

– Вот и правильно, – Роберт помог графу выйти из-за стола и повел его прочь из загаженного, дурно пахнущего зала. – Я позабочусь обо всем, Ричард. Тебе нужно отдохнуть. Я больше всего на свете хочу, чтобы твоя светлая голова, наконец, вернулась.

– Как наши дела в Ридсдейле? – неожиданно спросил граф на пороге своих покоев. Роберт усадил его на высокую, королевских размеров кровать.

– Пока наши позиции сильнее. Флетчер посылает армию за армией, много наших воинов гибнет, но мы держим оборону. До меня дошли слухи, что Ридсдейл побывал в Чипчейзе и потом отправился в Дарем. Боюсь, что он снова готовится к военному походу.

– А что там?

– Это владения Элизабет. Чипчейз – укрепленный замок с большой армией, в Дареме богатые поместья. Думаю, он решил использовать приданое своей супруги в военных целях, причем, против нас.

– Черт, я совсем про нее забыл. Но ты зря волнуешься. Пока Элизабет у нас, он не сможет использовать ее владения, деньги и все остальное, – Ричард откинулся на подушки, и устало прикрыл глаза. – Что с ней? Ты говорил, что она при смерти?

– Лихорадка, которую девушка подцепила по дороге в Мельбурн, отступила. Она почти месяц пролежала в бреду, пришлось доктора позвать. Никто не думал, что она выживет. Даже Луиза ухаживала за ней.

– Моя сестра совсем ума лишилась? – Ричард резко поднялся. – Она не должна пачкать свои руки об эту падаль.

– Милорд! Я думаю, с Элизабет достаточно. От нее и так осталась одна тень.

– А я хочу, чтобы, вообще, ничего не осталось. Как ты можешь сострадать? Вспомни....

– Да, помню я все...– оборвал его Роберт. – Просто не знаю, что еще ты можешь с ней сделать?

– О, у меня богатая фантазия, – сардоническая улыбка, так знакомая Роберту, исказила резкие черты лица графа Мельбурна.

– Я хочу, чтобы ты очнулся, и посмотрел на ситуацию трезвыми глазами. Девчонка ни в чем не виновата. И после всего, что произошло, у нее такая воля к жизни....

– Ненависть – вот что дает нам силы для выживания, мой дорогой друг. Я никогда и не думал, что есть что-то еще. Что под градом стрел, может быть, меня берегли молитвы той, кого я любил, но не смог защитить. Ничего не было. Нет никакой святости в любви, она не способна спасти, она убивает, разрывает душу. Ненависть честнее, и от нее всегда знаешь, чего ожидать.

– Ричард...– даже у сурового воина дрогнуло сердце, когда он заглянул, в полные неизмеримой боли, глаза. – Ты должен смириться. Мы все кого-то потеряли в тот ужасный день. Мы достанем Алекса Флетчера, и будем убивать медленно и изощренно, а потом скормим кишки собакам. Но ты должен понять сейчас, что даже его смерть, какой бы чудовищной она не была, не вернет нам тех, кого мы любили.

– Я это знаю, Роберт. Просто не могу иначе.

Элизабет лежала на жестком матрасе, набитом соломой. Она не чувствовала, как жесткая ткань и торчащие из нее мелкие частицы высушенной травы царапают кожу, не чувствовала она и болезненных укусов блох, и отвратительного запаха, пропитавшего маленькую коморку, в которую ее бросили, когда привезли в замок, и пронзительного холода, и топота крыс где-то совсем рядом. Ни голода, ни жажды. Даже боли не было. Сначала девушка думала, что со временем это состояние полной бесчувственности пройдет, а, когда пришел жар, удушающий испепеляющий душу и тело жар, он испепелил остатки той, что когда-то умела смеяться и плакать.

Элизабет, так долго оберегаемая отцом и тетками, избалованная, взбалмошная, непоседливая, своенравная и эгоистичная до абсурда, та самая Элизабет, еще недавно наивно полагающая, что Бог создал этот мир, чтобы она могла прийти и наслаждаться им, Элизабет, никогда, даже в полном одиночестве и темноте не допускающая мыслей о смерти, о боли, об унижении и жесткости, которые могут существовать в ее прекрасном мире, теперь Элизабет знала, что смерть все-таки есть. И она прошла через нее, сохранив телесную оболочку, сохранив свою память, в которой до мельчайших подробностей отражались события последнего месяца, стоило ей закрыть глаза. Она пыталась понять, заглянуть в себя, чтобы найти выход или хотя бы по-женски разреветься. Но нет. Ее глаза были сухи, сердце словно закрылось в каменном мешке, и она совсем себя не жалела. В ее

венах, разливаясь по ослабевшему измученному оскверненному телу, пульсировала, казалось, вовсе не кровь, а жгучая придающая ей сил ненависть. Они думают, что сломали ее. Изнеженную избалованную девушку, слабую и безвольную. Но Элизабет Невилл не такая. Никогда не была такой. Нет ничего, что нельзя пережить. И пусть прошлая жизнь для нее – теперь лишь болезненные воспоминаия о рае, она отомстит тем, кто вырвал ее из мира счастья и удовольствия. Пока она дышит, пока ее сердце стучит в груди, она будет драться, и неважно, сколько еще раз ее придется проиграть в неравной битве, она не умрет побежденной и смирившейся.

Никогда. Никогда. Никогда.

Глаза Элизабет выхватили из темноты одинокое пламя свечи, которая стояла на полуразвалившемся сундуке в углу захламленной комнаты. Свеча сильно коптила и отвратительно пахла. Лучше полная темнота. В последнее время именно ночь стала для девушки любимым временем суток. Ночью ее никто не тревожил, никто не мешал думать и учиться ненавидеть еще сильнее, еще яростнее, чем вчера. Она села и спустила ноги на ледяной каменный пол, сквозняк обжег голые ступни, но девушка ничего не заметила. Когда душа мертва, тело тоже перестает чувствовать. Наклонившись вперед, Элизабет задула свечу, и снова легла на свое неудобное ложе. За все время, пока она находилась в замке своего мучителя, девушка ни разу не вспомнила о благоухающих шелковых простынях, о мягкой перине и бело-

снежном надушенном белье, она стерла из своей памяти все, что связывало ее с леди Элизабет Невилл. Она родилась снова. Первый день ее жизни в аду начался со встречи с графом Мельбурном.

Луиза вошла в комнату пленницы на рассвете. И, как всегда, холодный озноб прошелся по ее спине, когда она встретила ледяной ничего не выражающий взгляд почти прозрачных голубых глаз. Луизе Чарлтон иногда казалось, что пленница никогда не спит. Ее неподвижные жуткие глаза были открыты даже, когда охваченная лихорадкой, она металась в бреду. Несмотря на то, что Элизабет Невилл пугала ее своей молчаливой неподвижностью, Луиза приходила в эту комнату каждое утро, чтобы принести завтрак. Элизабет почти ничего не ела и совсем мало двигалась. Ее жесты были скупы, она постоянно молчала и просто смотрела перед собой, но словно сквозь, словно была где-то в другом месте, еще более ужасном, чем это.

– Ты должна лучше питаться, чтобы поправиться, – выдавила из себя Луиза, когда Элизабет отвернулась от поставленного на покосившийся стол подноса. – Я принесла немного. Молоко и хлеб.

Ответом девушке послужила тишина. Вздыхнув, Луиза подошла ближе. Она положила на кровать пленницы серое платье из грубого материала, белый передник и чепец на завязках.

– Это все, что я могла достать. Тебе нужно начать вста-

вать. Ты можешь. Я знаю, – каждое слово давалось Луизе с трудом, потому что она не была уверена, что ее слушают или слышат. – Элизабет, я хочу, чтобы ты знала – я не держу на тебя зла. Ты не догадывалась, кто я.

– А кто ты? – наконец, произнесла девушка, повернув голову, и пронзив Луизу своими ледяными глазами. Высокомерное выражение никак не вязалось с жалким видом Элизабет Невилл. И Луизе стало неловко в своем красивом шелковом нежно-бирюзовом платье, расшитом серебром и украшенном драгоценными камнями, а темно-синяя бархатная накидка, отороченная мехом, вдруг начала душить. Бриллианты в ушах оттянули мочки, а жемчуг, вплетенный в волосы, стал неимоверно тяжелым. Все, что происходило, было неправильно и не справедливо к ним обеим. Но Луиза ничем не могла сейчас помочь несчастной девушке. Да, и что-то в ее глазах говорило, что ей эта помощь не нужна.

– Я Луиза Чарлтон, сестра графа Мельбурна. Больше я ничего не могу тебе сказать, и никто не скажет. Ричард так решил. Я не знала, что с тобой поступят так жестоко. Мне очень жаль. Я думала, что ты нужна ему, чтобы выманить Флетчера.

– Мне все равно. Ты не должна мне ничего объяснять, – бесстрастно ответила Элизабет.

– И все же, я хотела сказать, – Луиза сжала на груди маленькие ладошки в белых кружевных перчатках. – Элизабет, я пришла попросить тебя, дать совет. Пожалуйста, не спорь

с ним, делай, все, что он скажет. Это сложно, но, если ты хочешь жить, ты покоришься.

– Или? – пленница надменно вскинула бровь. – Что-то может быть еще хуже?

– Может, – утвердительно кивнула Луиза. – Побои, темница, пытки и то, что ты уже пережила.

– Я не боюсь, – Элизабет скривила губы в усмешке. – Я не встану на колени, чтобы вы не делали. Я знаю, что мой отец и муж найдут меня, и тогда я буду смотреть, как все вы корчитесь от боли.

Луиза побледнела, и отвела глаза, не выдержав полный ненависти взгляд Элизабет Невилл.

– Как знаешь. Я просто предупредила, – холодно ответила Луиза Чарлтон, поджав губы. – А сейчас ты оденешь одежду, которую я тебе принесла, и пойдешь на кухню. Сегодня твой первый рабочий день. Радуйся, что Ричард не направил тебя прислуживать тебя за столом в тронном зале, где пируют мужчины, с которыми ты уже имела несчастье познакомиться довольно близко.

– Передай его сиятельству мои благодарности. Он – сама доброта, – с презрением бросила Элизабет, пропитав ядом каждое слово.

Но когда дверь за Луизой закрылось, от бравады и храбрости Элизабет Невилл не осталось и следа. Она страшилась покидать пределы своей коморки. И больше всего девушка боялась встретить кого-то из тех, кто надругался над ней. Су-

ровая реальность повернулась к ней лицом, безобразным и отталкивающим. Она представления не имела, чем занимаются на кухне, и уже заранее была готова к тому, что у нее ничего не выйдет. Она все сделает для того, чтобы не вышло. Уж лучше темница, чем прислуживать семейке Мельбурна.

И все же Лиз надела платье, которое было ей велико на размер, подвязав его передником, расчесала волосы и, заплетя в косу, спрятала под чепчик. Ей было безразлично, как она выглядит в этом ужасном одеянии. Свое отражение в зеркале девушка в последний раз видела в семейном поместье Ньюборн. Одевшись, Элизабет села на кровать, уверенно решив, что сама никуда не пойдет. Спустя час или больше в комнату без стука заявила молоденькая служанка в таком же одеянии, что и Лиз. Девушка смотрела на Элизабет свысока.

– Ты должна пойти со мной на кухню, – громко сказала она. – Там полно работы, хватит прохлаждаться. Разве тебе не сказали, что с сегодняшнего ты прислуживаешь повару?

– Я не знала, где кухня, – спокойно ответила Лиз, иронично разглядывая обнаглевшую служанку. Конечно, сейчас у них одинаковые права, но Элизабет знала, причину подобного отношения к себе. Лиз была уверена все в замке в курсе, кто она такая. Какая радость для черни поизмываться над аристократкой. Леди служит на кухне, да об этом можно только мечтать. Хотя Мельбурн сказал – она больше не леди.

– Пойдем, – Элизабет резко встала на ноги. Болезнь и недоедание дали о себе знать резко вспышкой головокруже-

ния. Девушка переборола тошноту, подкатившую к горлу. Сейчас не время быть слабой. Башмаки из грубой кожи были ей велики, и она постоянно запинаясь, продвигаясь по коридору, вслед за служанкой.

Повар не понравился ей с первого взгляда. Необъятный жирный боров с лоснящейся рожей и узкими красными от чрезмерного возлияния глазками. От вида фартука, покрытого масляными пятнами, ее снова замутило. На кухне было жарко, дым стоял столбом над котлами с едой. Десятки людей суетливо бегали по маленькому душному помещению взад-вперед.

– Будешь выносить помои, и мыть полы, – заявил повар, взглянув на ее прищуренными поросячьими глазками. – Называй меня месье Дюваль. Как звать тебя, я сам решу. Слив для помоев находится в стене, два пролета по лестнице вниз. Придется побегать, но все мы тут не бездельничать пришли. Не будешь справляться, не будешь есть. Все ясно?

– Да, месье Дюваль, – глядя ему прямо в глаза, сказала Элизабет. Больше всего ей хотелось надеть ведро с помоями, предупредительно поставленной перед ней, прямо на огромную голову повара.

Несмотря на то, что ведро было очень тяжелым и воняло просто ужасно, Элизабет шла, не согнув спины, плечи ее были расправлены, голова поднята кверху.... И она почти справилась, но споткнувшись на лестнице, упала и разлила отвратительно месиво из ведра...

Какое-то время девушка почти с отчаяньем смотрела на растекающуюся по лестнице вонючую лужу. Во всем виноваты неудобные башмаки. Она не станет убирать эту мерзость. Ни за что!

– К черту! Зачем я, вообще, пошла! – выругалась Элизабет. На самом деле она знала, зачем. Она боялась, что слова Луизы Чарлтон окажутся пророческими и ее отправят в зал, где трапезничает граф и его вассалы, а она этого совсем не хотела.

Резко развернувшись, Элизабет Невилл уверенным шагом отправился обратно, в свою комнату. Понимая бессмысленность своих действий, девушка подперла дверь массивным стулом, и села на кровать. В комнате не было окон, и царил полная темнота, но она не зажгла свечу.

Прошло совсем немного времени, как в комнату начали ломиться. Сначала просто стучали, а потом принялись пинать, выкрикивая ругательства и угрозы. Элизабет не реагировала. Закрыв уши руками и зажмурив глаза, она считала про себя до десяти. Остановилась на восьми, когда дверь выломали. В комнату вошел мужчина с подсвечником в руке, пытаясь найти в темноте маленькую фигурку Элизабет. Девушка встала, и вздернув подбородок, даже не вздрогнула, узнав сломавшего дверь человека. Он был первым. Мельбурн звал его Купером. Мужчина зловеще улыбнулся, показывая неровные гнилые зубы.

– Здравствуй, сладенькая. Снова буянишь? Мне стоит

преподать тебе еще один урок, раз ты не усвоила предыдущий, – почти пропел он противным елейным голоском. Элизабет не отшатнулась и не отступила. Ее холодные спокойные глаза смотрели на нее с презрением.

– Только попробуй, и перегрызу тебе сонную артерию, – уверенно сказала она.

Где-то в районе двери раздались смешки. Купер пришел не один. А это уже хуже.

– Значит, мне придется надеть на тебя намордник, связать и хорошенько отстегать по белой тощей заднице. А она у тебя очень тощая.

– Не успела отрастить, извини, – покачала головой Элизабет.

– Твоему длинному языку следует найти достойное применение, – лицо Купера, сощепленное пламенем свечей, приняло злое выражение.

– Я буду слизывать им твою кровь, когда перережу тебе глотку, – прошипела Элизабет.

Размахнувшись, Купер ударил ее по щеке. Пощечина была ощутимой, но не свалила девушку с ног. Только знакомый до боли металлический привкус появился во рту. Ублюдок разбил ей губы.

– Что за шум? – раздался властный мужской голос. Элизабет автоматически взглянула в сторону, откуда он доносился. Могучая фигура графа Мельбурна заполонила весь проход. Прищурив глаза, он пытался рассмотреть участни-

ков разыгравшейся сцены. Купер немного остыл, а его приятели рассыпались по сторонам. За дверь. В комнате едва хватало места троим.

Синие глаза Мельбурна почернели, когда он узнал Элизабет. Но узнал он ее не сразу.

– Почему она здесь, а не на кухне? – грубо спросил он, обращаясь к Куперу. В голосе его звенел металл.

– Я пришел, чтобы задать нашей прекрасной гостье тот же вопрос, – усмехнулся Купер. – Но она не открывала дверь, и подперла ее стулом, пришлось сломать. Видите ли, милорд, Дюваль сообщил, что леди Элизабет не только сбежала от исполнения наложенных на нее обязанностей, но и умудрилась пролить помои на лестнице, и не убрала за собой.

– Это так? – тяжелый пронзительный взгляд остановился на ней. Элизабет затаила дыхание. Она не знала, как поведет себя этот человек, если его можно так назвать. Она не боялась его, но снова подвергаться насилию совсем не хотелось. Однако, предчувствие подсказывало, что этот этап пройден, и дальше изобретательный порочный ум графа приберет для нее совсем другие испытания.

– Это так, – стараясь не выдать своего волнения кивнула Элизабет, быстрым движением стирая кровь с разбитой губы.

– Ты отказываешь работать на кухне? – обескураживающе спокойным голосом, поинтересовался Мельбурн.

– Если я пленница, посадите меня в темницу, – храбро

глядя в ненавистное лицо, заявила Лиз. – Я не стану выливать вашу грязь. Можете делать, что хотите. Я не подчинюсь. Ни одному приказу, милорд. Ни одному.

– Хорошо, – Мельбурн оскалил зубы в усмешке. И развернувшись, пошел к двери. Элизабет в недоумении смотрела на его спину. – На площадь ее, привязать к столбу и дать десять плетей. Пусть повисит до завтрашнего утра без воды и еды, а потом приведете ко мне, – обратился он к темной фигуре, стоявшей слева от входа в каморку. – Завтра ты передумаешь, – обернувшись, он бросил на нее уверенный взгляд.

– Черта с два. Хоть режьте.

– Нужно будет – порежем, – Мельбурн широко улыбнулся и исчез из поля зрения. – Купер, ты со мной, – донеслось до нее уже из коридора.

– Ну, вот, – с притворным сожалением вздохнул Купер. – Опять наше свидание откладывается.

Когда два лакея графа вытащили ее на улицу, девушка чуть не ослепла от солнечного света. Оказывается, лето давно закончилось, миновала осень, и наступила зима. Боже, как же долго она здесь? Элизабет не чувствовала страха. Прищурив слезящиеся глаза, она увидела высыпавших на площадь зевак. Здесь были и солдаты, и крестьяне, и даже маленькие дети. Похоже сегодня их ждало особенное зрелище.

Столб находился в самом центре площади на небольшом

выступе. Вскользь Лиз заметила маленькие деревянные дощечки, прибитые к широкому толстому стволу и засохшие цветы, оказавшиеся у нее под ногами, когда ее привязали к месту пытки. Руки и ноги девушки перетянули толстой веревкой, расположив ее лицом к столбу. Люди, пришедшие поглазеть, в предвкушении зашумели. Элизабет задержала дыхание, услышав свист хлыста, ударившегося о землю. Ее мучитель решил размять руку. Следующий удар, ослепил ее и лишил возможности дышать. Боль была обжигающей, проникающей в самые глубины тела, продирая до костей. После третьего удара она перестала чувствовать, а на шестом потеряла сознание, но ни разу не закричала, с прокушенных губами губ, тонким ручейком стекала кровь. Разочарованная толпа разошлась, как только высокий мужчина с рыжими бакенбардами, бросил на землю хлыст.

Ричард, сдвинув брови, отошел от окна. То, что он увидел, ему не понравилось, очень не понравилось. Даже мужчины кричат, при наказании хлыстом, а эта девка словно из камня. И что-то подсказывало ему, что, когда ее притащат к нему утром, еле живую от боли и жажды, она повторит все то, что сказала накануне.

– Вот сука, – выругался Мельбурн. – Надо же быть такой упрямой. Флетчер выбрал невесту по себе.

Стоявший рядом с графом Дэвид Купер тоже не скрывал своего разочарования.

– Может, и правда, отправить ее в темницу? Посадим на

цепь, не будем кормить. А там крысы, тараканы.... Долго она не протянет, – предложил Купер.

– Послушал бы нас Роберт. Он ее рьяный защитник. Я снова отправил его шпионить за Прадхо. Меня сводит с ума, что Беатрис Флетчер до сих пор не с нами, – криво улыбнулся Ричард. – Что-то мне подсказывает, что Ридсдейл сильно дорожит сестренкой, раз так хорошо спрятал от нас. О жене он так не пекся.

– Он не думал, что так быстро узнаем о его намерениях обременить себя узами брака. К тому же он оставил ее в родительском доме, под защитой барона и графа Нортумберлендских.

– Это так. Меня смущает еще кое-что. Элизабет племянница графа Уэстморленда. Конечно, она незаконнорождённая и все такое, а Уэстморленд и Нортумберленд поддерживают разные стороны баррикад, – Ричард задумчиво смотрел на обмякшую фигуру девушки, повисшей на столбе. Спина ее была окровавлена, хлыст разорвал одежду, и ветер раздувал красные лоскутки вокруг нее. Словно языки пламени... – подумалось Ричарду.

– Что ты имеешь в виду, говоря о баррикадах?

– Это политика, Дэвид. Не вникай. Уэстморленд поддерживает политику короля и его реформы, а отец Элизабет Невилл готовит восстание против оных.

– Но, подожди, разве Генри Перси, Граф Нортумберленд не друг королевы и Генриха?

– Королеву скоро казнят. А Генри очень болен. Им сейчас легко управлять. Однако, он, если тоже не хочет пойти на плаху за своей возлюбленной, должен будет поддержать короля.

– А она красивая? – спросил Купер. Мельбурн отвел взгляд от столба.

– Кто? – не понял Ричард.

– Королева Анна.

– Да, суцая ведьма. Такая же сука, как эта, – Мельбурн кивнул в сторону окна. – Лицо ангела, а душа демоницы. Но я не о королеве говорю. Ее казнь дело времени. Я не хочу проблем с королем. Маловероятно, что Томас Перси обратиться к Уэстморленду, но чем черт не шутит.

– А граф Нортумберленд?

– Он сам висит на волоске. Я думаю, ему нет дела до пропавшей незаконнорожденной дочери брата. – А, если все же всплывет, что она у нас? Придется ее или спрятать, или убить, – холодно ответил Мельбурн.

***

Сознание возвращалось очень медленно. Сначала глаза заволокла красная дымка, девушка чувствовала биение своего сердца, но совершенно не ощущала рук и ног, потом туман рассеялся, и она поняла, что на улице все еще день. С крупицами сознания возвращалась и боль. Рядом никого не было, и девушка позволила себе застонать. Кожа спины и мышцы под ней онемели, но пульсировали так, что боль от-

давалась в другие части тела, сводя с ума.

Палящее солнце обжигало плечи и руки, невыносимо хотелось пить. И впервые за время пребывания в аду, Элизабет задалась вопросом, что же такого ужасного сделал Алекс? Почему ее мучают с такой звериной жесткостью? И почему он не приходит за ней? Неужели не может найти, догадаться, где она? Элизабет знала, что у ее мужа много врагов, но разве нескольких месяцев недостаточно, чтобы проверить всех? Почему он медлит? От горя, обиды и боли у нее сдавило грудь, опустив голову, Элизабет запретила себе плакать, хотя слезы уже были близко. *"Помоги, мне. Спаси меня.* – шептала она, отправляя свою мольбу тому, кто не мог ее услышать. – *Ты же обещал. Обещал, что вернешься за мной? Где же ты? Где? Я совсем одна. Я умираю"*. Ее глаза устало смотрели вниз, сфокусировавшись на одной из дощечек, оказавшейся прямо перед ее лицом. *"Ванесса и Стефан Додд, Томи Додд, Кларисса и Кассандра Робсон, Стефания Рид, Билли Батл, Катрин Купер."*, – прочитала она. Что за имена? И тут до нее дошло. Дощечки с именами, сухие цветы, да это что-то вроде мемориального столба, памятника умершим. Боже, что же здесь произошло? Десятки дощечек, сотни имен. Она знала, что на пограничные замки часто нападают, как свои, так и шотландские разбойники, убивая всех без разбора. Теперь понятно, почему все люди в замке такие ожесточенные. У Мельбурна была огромная армия, но, видимо, даже она не смогла предупредить трагедии, разыгравшейся здесь. При-

вязанная к памятнику по погибшим, Элизабет вдруг поняла, что скорбит, что ей жаль тех, чьи имена аккуратно и старательно вырезаны на дощечках. Подняв голову, Элизабет посмотрела на окна смотровой башни. Она была уверена, что разглядела силуэт графа Мельбурна. Только чудовище способно сделать с женщиной то, что он сделал с ней. Он несколько не лучше, чем, те, кто убил людей, чьи имена на века запечатлены в дереве.

– Я придумал тебе новую работу! – заявил граф Мельбурн на следующий день, когда девушку привели в его покои, которые почему-то находились в северной башне, а не в жилом крыле. Несмотря на адскую боль, которую она испытывала при каждом шаге, Элизабет успела заметить, что обстановка в покоях графа грубая и скудная, стены покрыты деревянными панелями неприятного серого цвета, камин без резьбы и обычных украшений, мебель массивная, тяжелая и некрасивая. Исключение не оставляла и кровать на резных столбах с лестницей и черным балдахином, застеленная кровавого цвета бельем. Настоящее обиталище злых духов. Мельбурн восседал на огромном стуле из красного дерева, больше похожем на трон, руки, унизанные перстнями, лежали на подлокотниках. Одет почти парадно. Черный, украшенный вышивкой и драгоценными камнями камзол, белоснежная рубашка, и черные узкие штаны, волосы цвета воронова крыла зачесаны назад и схвачены черной шелковой лентой.

Воины графа, державшие Элизабет под руки, внезапно отпустили ее, и девушка чуть не упала. После окончания пытки, ей позволили помыться, поесть, одна из служанок, самая сердобольная, смазала спину вонючей мазью, перебинтовала и принесла чистое платье и рубашку. Больше всего на свете, измученной еле живой от усталости и боли, Элизабет хотелось упасть на свою кровать и уснуть, но этого ей не позволили.

Превозмогая отчаянную боль, девушка попыталась выпрямиться, и почувствовала, как кровь снова засочилась по спине. Она с тоской подумала, что и это платье испорчено, а другого у нее нет.

– Ты все еще отказываешься приносить хоть какую-то пользу, пока находишься в этом доме? – приподняв бровь, спросил Ричард Чарлтон.

– Я не напрашивалась в гости, – холодно ответила Лиз, голос ее звучал глухо и изможденно. Мельбурн долго смотрел на нее выжидающим пронзительным взглядом синих глаз, которые совсем не шли ему. У демона должны быть черные глаза, или золотистые, как у волка, но только не такой небесной синевы.

– Значит, нет? – с обманчивой мягкостью спросил граф.

– Нет, – Элизабет опустила голову, держать которую больше не было сил.

Ричард изучающе смотрел на сломленную хрупкую фигуру стоявшей перед ним девушки. Сделал ли он достаточно?

Узнала ли она, что такое ад – изнутри? Внешне это был совсем другой человек. Тусклая кожа, прокушенные и разбитые губы, высушенное тело, безжизненные глаза, в глубине которых все еще горит ярость, поникшие плечи и выражение отрешенности на бледном, обескровленном лице. Он знал, что на спине ее останутся шрамы, и она пройдет с ними всю жизнь, и еще один шрам на щеке, от его кольца, когда он ударил ее в первый раз, придя в ярость от того, что на ней было надето платье его жены. Каждый раз, глядя в зеркало, она будет вспоминать о нем, как о самом страшном кошмаре в своей жизни. И все же ее воинственный дух не давал ему покоя.

– Скажи, Элизабет, на что ты надеешься? – спросил он, – Может, ты сама хочешь, чтобы я убил тебя?

– Нет, милорд. Я не хочу смерти, – покачала головой Элизабет.

– Тогда, что? Ты действительно веришь, что твой муж на белоснежном коне прискачет за тобой? Или твой отец, подумает, что граф Мельбурн мог похитить его дочь? Он не станет искать тебя здесь, Томас Перси прочесал все разбойничьи укрепления, предлагая выкуп за девушку, которую никто никогда не видел. Через месяц-другой, он смирится, у барона есть дела и поважнее. Кто знает, что могло случиться с сумасбродной Элизабет Невилл? Может, она свалилась в болото и утонула, может, убили разбойники и закопали в лесу. Да, и кто она такая, Элизабет Невилл? Всего лишь –

незаконнорожденная дочь не самого умного барона. Такая же беспутная, как ее мать.

Глаза Элизабет сверкнули испепеляющей ненавистью. Ричард расхохотался, наблюдая, как красные пятна ярости выступают на бледном лице.

– А твой любезный супруг? Где он, милая? Ведь Флетчер знает, где ты. Я открою тебе тайну, чтобы у тебя не оставалось иллюзий на его счет. Алекс Флетчер точно знает, что ты здесь, и не только не спешит забрать тебя, но и умалчивает правду от твоего дорогого папаши. Сейчас он прохлаждается в Дареме, наслаждаясь благами, полученными от твоего приданного. Зачем ему нужна порядком попорченная жена, а ведь он прекрасно понимает, что мы с тобой сделали.

– Это неправда! – воскликнула Элизабет, не в силах больше слушать жестокие, жалящие в самое сердце слова. – Алекс любит меня. Он убьет вас всех. Вот увидите.

– Любит? – Мельбурн снова рассмеялся грубым неприятным смехом. – Да, тебя тут пол отряда полюбило.

– Я не хотела этого, – яростно ответила Элизабет. Глаза ее полыхнули. – Любой нормальный мужчина проявит сочувствие и любовь к своей женщине, которая подверглась насилию и пыткам.

– А с чего ты взяла, что он нормальный мужчина?

– Потому что я слишком хорошо теперь знакома с ненормальными, милорд, – вздернув подбородок ответила Лиз. Челюсти графа стиснулись, на четко очерченных высоких

скулах заиграли желваки, а глаза стали похожи на предгрозовое небо. Она опустила ресницы, внутренне готовая к тому, что последует дальше. Пощечина откинула ее в сторону. Граф бил сильнее, чем его приближенные.

«Откуда в одном человеке столько ярости?» – думала девушка, лежа на покрытом ковром полу. Правая щека пылала, но эта боль была ничем, по сравнению с той, что сжигала душу.

– Она хочет в темницу, – встав на ноги, сказал Мельбурн. – Желание леди для меня закон. Унесите отсюда этот мешок с костями. Он дурно пахнет.

Глава 4

Она не знала, сколько прошло времени, с тех пор, как ее бросили на холодный, усыпанный соломой каменный пол темницы, располагающейся в подземелье замка. Здесь не было окон, и девушка была лишена возможности считать рассветы. Несколько недель, может, даже месяц, но судя по ночной стуже, февральская прохлада уже ворвалась в эти суровые края. Ей не приносили свечей, и крошечная тьма окружала Элизабет постоянно, за исключением кратких минут, когда ей приносили еду. Но даже нескольких мгновений в тусклом освещении ей хватало, чтобы душа ее наполнилась ужасом от страшного и омерзительного вида своей обители.

С момента ее заключения солома в крохотном, пропахшем мочой и экскрементами, помещении не менялась, иногда ей бросали пучок свежей, но она вся шла на импровизированное ложе, так как спальное место в тюрьме не было предусмотрено. Ведро, в которое ей приходилось справлять нужду, не выносили по нескольку дней, и поэтому вонь в темнице стояла жуткая, но Элизабет уже ничего не чувствовала. Волосы девушки, не мытые и непричесанные, кишели вшами, кожа чесалась и зудела от грязи и укусов блох. Но больше всего ее пугали крысы, чей писк она слышала постоянно. Все вокруг было в помете этих отвратительных существ, и Элизабет приходилось оставлять им часть своей

скудной пищи из боязни, что, оголодав, мохнатые чудовища набросятся на нее. Днем в темнице стояла гробовая тишина, за исключением шороха и писка крыс, но ночью она слышала стоны и завывания пленников из других темниц. Кто-то проклинал судьбу, кто-то призывал смерть и молил Бога о спасении или покаянии, но большинство просто по-звериному выли, потеряв рассудок от нечеловеческих условий, в которых их содержали. Определить время суток в кромешной тьме было сложно, но Элизабет понимала, что именно ночью на человека накатывает особенное отчаянье и безысходность. Для нее все смешалось, время словно совершило скачок и замерло в одном мгновении. Неумолимые боль, ужас, страх, одиночество, холод, зловоние, человеческое отчаянье и вопли сумасшедших за стеной и никакого выхода из них, ни единого луча надежды. Элизабет почти перестала верить, что ее, вообще, кто-то ищет.

Она умрет здесь, и ее похоронят в безымянной могиле за воротами замка, или выбросят в ров, словно мусор. И девушка так никогда и не узнает, почему? За что судьба так жестоко разбила ее жизнь. Самое ужасное заключалось в том, что скоро, совсем скоро она перестанет задавать себе подобные вопросы, ее мысли уже принимали странный, пугающий оборот, улетали куда-то далеко, и Элизабет не могла с уверенностью припомнить, о чем думала несколько секунд назад. Ее разум отключался, засыпал, погружаясь в пучину безумия, закрываясь стеной безмолвия от ужасов, поджидающих ее в

реальной жизни. Прижимаясь спиной к холодной влажной стене, она часами сидела без движения, испытывая непреодолимое желание биться головой о стену, пока не настанет конец ее мучениям. И только католические убеждения удерживали ее от самоубийства. Ад и по ту сторону жизни страшил ее. Смерть должна была принести долгожданное освобождение, а не новую боль. Иногда она произносила слова, чтобы вспомнить, как звучит ее голос, но не узнавала его в хриплых сиплых звуках, вырывающихся из простуженных легких.

Два раза в день ей приносили еду. Скучную похлебку из ячменя и кусок чёrstвого хлеба. Тюремщики никогда не разговаривали с ней, просовывая тарелку и сверток с хлебом через узкое окошко на толстой двери. Дверь открывали крайне редко, чтобы вынести ведро.

Несколько раз приходила горничная Луизы, скорее всего, по наитию своей сердобольной хозяйки и без ведома графа. Девушку звали Мэри Бренон. Закрывая нос белым кружевным платком, она просила стражников передать Элизабет емкость с водой, чистые тряпки, мазь для втирания в раны на спине, бинты, иногда свежее платье или одеяло. Два или три раза Мэри приносила курицу и соленую свинину. Эти редкие визиты стали для Элизабет Невилл настоящим праздником, и, несмотря на прежнее презрение к Луизе Чарлтон, девушка была ей безмерно благодарна. Воды едва хватало, чтобы обтереть лицо и тело, перед тем, как надеть чи-

стое платье, но даже такая малость на какой-то миг наполняла Элизабет желанием жить и бороться. Она складывала свои грязные старые платья в углу, делая между ними прослойку из сена, а сверху застилала чистыми тряпками. Эта груда тряпья служила ей кроватью, а одеяла спасали от холодных ночей. Дни тянулись один за другим в ожидании прихода Мэри Бренон, которая никогда лично к ней не обращалась. Элизабет могла видеть только ее брезгливо сморщенное лицо сквозь зарешеченное окошко на двери.

Элизабет встрепенулась, испуганно поджав под себя ноги в изношенных деревянных башмаках, почувствовав чужеродное прикосновение. Крысы совсем распустились. Даже во сне Лиз чувствовала, как они бегают прямо по ней, и боялась шелохнуться, дабы не вызвать их агрессии. Это был крошечный ад, и ее хрупкое тело сдавалось, становясь с каждым днем слабее. Закрыв уши руками, девушка принялась раскачиваться из стороны в сторону, напевая хриплым голосом колыбельную, которую ей пела няня, когда она была совсем маленькой. Мысли о мести и расправе над своими обидчиками теперь занимали все ее время, иногда они казались такими яркими и четкими, что девушке казалось, что все происходит наяву, а не в ее воспаленном воображении. Даже если отец и Алекс не спасут ее, она сама уничтожит графа Мельбурна. Если выживет....

Ричард скакал во весь опор по болотистой долине, между

холмами Чевиота. Вязкая, поросшая вереском земля не позволяла его огромному породистому жеребцу двигаться максимально быстро, но и убегающий сквозь кустарники красный олень тоже увязал в грязи своими тонкими ногами. Веселая гурьба гончих псов, с не меньшим азартом, преследовала потенциальную добычу. Следом за графом мчалась его свита.

Псы окружили несчастное животное, отрезав пути к отступлению. Судьба оленя была решена. Ричард пустил стрелу, которая пронзила горло его добычи. Какое-то время жертва еще держалась на ногах, глядя темными глазами сквозь расплзающуюся кровавую пелену в лицо своего убийцы. Дернувшись, животное упало навзничь. Граф издал победный крик, и развернул жеребца в сторону приближающейся свиты.

– Вы не превзойденный охотник, милорд, – сказал Томас Рид, местный сквайр, и верный соратник графа во всех военных действиях. Он поравнялся со своим предводителем, и бросил одобряющий взгляд на убитого оленя. – Отличная добыча.

– Да, мой друг, – улыбнулся Мельбурн.

– Попируем сегодня. У меня хорошее настроение. С утра я получил обнадеживающее послание. Нашего врага видели в Камберленде. Надеюсь, что совсем скоро он будет готов нанести нам визит.

– Я тоже, милорд. Мы готовы к встрече. У нас достаточно

людей и оружия. А наши лошади самые быстрые и сильные во всем северном пограничье.

– Пора возвращаться в замок. Поварам понадобится время, чтобы приготовить оленину так, как мы любим. Завтра устроим соколиную охоту. Давно не ел дичи и зайчатины.

– Отличная идея, милорд, – согласился Томас Рид. Ричард откинул со лба непокорную черную прядь волос и натянул поводья. В кожаных штанах и куртке, с мечом на поясе и арбалетом, он больше походил на знаменитых разбойников Севера, чем на аристократа. Здесь, вдали от Лондона и королевской власти, вдали от господствующих и соперничающих между собой влиятельных феодалов Персей и Невиллей, границы между разбойником с большой дороги, джентльменом, рыцарем и графом стирались. Все эти люди, которые закрывали спину Мельбурна в бою, несмотря на свое не самое благородное происхождение, давно стали для него братьями. Он знал, что они будут с ним до конца, чтобы не случилось, отдадут свою жизнь за него. А это дорогого стоило. Окинув взглядом своих верных подданных, он подумал, что прав был Роберт Холл. Период безумия подходил к концу. Ричард снова чувствовал, что жизнь начинает кипеть в его жилах, и утро больше не наполняет душу ощущением безнадежной злобы и холодной ярости. Скоро, очень скоро его месть осуществится, и он снова сможет начать полноценную жизнь.

– Мэри, ты вырвешь мне все волосы, – с мягкой укоризненной, обратилась к горничной Луиза Чарлтон. Девушка опустила голову, и стала гораздо медленнее водить щеткой по волосам хозяйки. Она не так давно работала в замке. Луиза выбрала ее сама, когда объезжала соседние деревни. Ее прежняя прислуга, как и все остальные обитатели замка, были безжалостно убиты Алексом Флетчером и его воинами. У Мэри не было опыта работы в господских домах, и она понятия не имела, как причесывать леди. Но сестра графа обладала ангельским характером и проявляла завидное терпение с нерасторопной горничной.

– Я думаю, мисс Чарлтон, вам стоит подыскать еще одну служанку. И вам и мне было бы удобнее, – набравшись смелости, предложила Мэри.

– Я давно об этом думаю, – задумчиво произнесла Луиза, глядя на свое отражение.

– Ричард собирается следующей осенью отвезти меня в Лондон. Одна ты точно не справишься. У меня будет огромное количество платьев, шляпок и украшений, и мне придется в день посещать не менее трех мест.

– О, мисс! Это же здорово! – воскликнула Мэри, не скрывая своего восторга. – Я увижу Лондон. Мои подруги с ума сойдут от зависти, а вы, леди Луиза, будете самой красивой дебютанткой. Все кавалеры упадут к вашим ногам.

– Да, – печально протянула Луиза, опуская глаза. – Честно говоря, мне совсем не хочется уезжать. Лондон пугает меня.

Граф одержим идеей выдать меня замуж за достойного человека, но я больше склоняюсь к мысли....

– Что, мисс? – изумленно глядя на красивую юную леди, спросила Мэри.

– Я хочу посвятить свою жизнь Богу, Мэри.

– Монастырь? Для такой красавицы? Вы сошли с ума!

Простите мне мою наглость, но это так.

– Брат не позволит мне уйти в монастырь, Мэри. Он говорит, что король скоро распустит всех священников и настоятелей, а монастыри отойдут короне. Это ужасно. Его величество покусилось на самое священное.

– Я слышала, что в близлежащих к монастырям владениях уже начались огораживания. Крестьян сгоняют со священных земель и превращают пахотные земли в пастбища.

– Ах, Мэри. Мой брат делает тоже самое. Король отдал ему земли монастыря Святой Терезы. И он хочет разводить там овец и добывать уголь.

– Перемены необходимы, мадам. Вы станете еще богаче.

– Деньги не имеют для меня значения, – горько сказала Луиза. – Я боюсь за душу Ричарда. Он отвернулся от Бога.

– А, может, Бог отвернулся от него? Пережить такое.... Я несколько не осуждаю его сиятельство.

– Ты была сегодня у Элизабет? – встрепенувшись, Луиза встретила в зеркале взгляд горничной, которая брезгливо сморщила носик.

– Да. Ненавижу туда ходить. Ужасное место. Миледи, эта

девушка не стоит вашего участия. И боюсь, что ей уже все безразлично. Она тронулась умом.

– Ну, почему Ричард так категоричен, – вздохнула Луиза. – Я никак не могу повлиять на него. Мои уговоры только злят брата. Элизабет не заслужила подобной участи. Она не самый хороший человек на свете, но она женщина, и она леди. Если бы Элизабет меня послушала. Покорность и смирение – вот чему учит нас Господь. Но она словно специально призывает на свою голову несчастья. Я чуть не умерла, когда смотрела, как ее секут.

– Да, миледи, я тоже наблюдала за пыткой. Эта женщина – настоящий демон в юбке. Искусила губы, но не закричала. Только Дьявол может дать такую силу духа. Держались бы вы от нее подальше.

– Она – сильная, Мэри. Очень сильная. Хотела бы я быть такой. Она никогда не смирится с ролью безропотной жертвы, а ведь именно в этом ее спасение. Граф не терпит неподчинения. Его жена была такой мягкой. Она прощала ему все, и он ни разу не поднял на нее руки. Неудивительно, что брат так горюет по Марии.

– Вы думаете, миледи, что любовь заключается во всепрощении и покорности? – с сомнением в голосе спросила Мэри. Луиза посмотрела на нее с искренним недоумением.

– А разве нет?

– Будь я леди, я бы никогда не вышла замуж за вашего брата, – выдохнула горничная. Луиза неожиданно рассмея-

лась.

– Но это не мешает тебе бегать по ночам в его покои. О, не смущайся. Похождения графа никогда и не для кого не были секретом.

– Ну, что ж, тогда вы понимаете, что я не просто так сказала. У его сиятельства ужасный характер.

– Все хватит! Я не собираюсь сплетничать за спиной брата, – строгим тоном оборвала служанку Луиза. – Лучше давай придумаем, как нам вызволить Элизабет.

Но придумывать ничего не пришлось. Граф согласился на освобождение из темницы своей пленницы сам. Запланированная соколиная охота на следующее утро не состоялась. С границы прибыл гонец и сообщил о набеге разбойников из банды Генри Робсона на земли Мельбурнов в районе северного Тайна. Отдав распоряжение своим приближенным собрать армию и подготовить к походу, Ричард зашел в покои сестры, чтобы попрощаться.

– Мне придется покинуть тебя на несколько дней, Луиза. На нас снова напали. Боюсь, что это никогда не прекратится, – сказал он с досадой. Сестра мягко улыбнулась графу, облаченному с ног до головы в доспехи.

– Шотландцы?

– Нет. Местные. Клан Робсона снова решил угнать наш скот. Я найду все укрепления этих разбойников и подожгу, а потом вернусь. Ты не должна волноваться. Со мной ничего не случится.

– Я знаю, – кивнула Луиза.

– Им не пробить своими стрелами твою броню. И с тобой лучшие рыцари севера. Я бы хотела попросить.... Перед тем, как ты уедешь... – девушка подняла на брата полные мольбы глаза. Провел пальцами в толстых кожаных перчатках по ее щеке, улыбка его смягчилась.

– Я знаю, маленькая проказница. Ты снова проявила непослушание. Но твоя доброта отогревает мое сердце. Я велю освободить Элизабет Невилл. Но, если ты упустишь ее! Если ей удастся бежать! – брови Ричарда сошлись на переносице.

– Она не в том состоянии, чтобы бегать. Да, и как она покинет охраняемые стены замка? – покачала головой Луиза, в ее улыбке и глазах светилась благодарность. – Как давно ты знаешь, что я передаю ей еду и одежду?

– С самого начала, – Ричард улыбнулся, и быстро коснувшись губами лба сестры, вышел из девичьих покоев.

Едва отряд во главе с графом Мельбурном покинул стены замка, Луиза, немедля ни минуты, распорядилась освободить Элизабет из темницы.

С девушки сняли цепи, и отнесли в жилую часть замка, где три молоденькие служанки, зажимая нос и ругаясь, долго и тщательно отмывали несчастную, безропотную Элизабет, дважды меняя воду в деревянной лохани, вытраливали из волос насекомых, скоблили кожу шершавой материей, а потом обильно смазали ароматными маслами. Луиза пожертвовала пленнице свою кружевную нижнюю рубашку из тон-

чайшего шелка, маленькие, сшитые из кожи, совсем новые туфли и темно-синее муслиновое платье с глухим воротом. Волосы расчесали и заплели в длинную косу, перевязав атласной лентой. Элизабет плохо соображала, что с ней происходит, и позволяла делать с собой все, что угодно, с полнейшим безразличием. Ей казалось, что она все еще находится в мире фантазий, и только когда чистую и одетую в новую красивую, по сравнению с тем, что она носила последние месяцы, одежду, привели в покои Луизы Чарлтон, туман в голове Элизабет Невилл стал проясняться.

Чтобы защитить свою подопечную от поползновений не самых благородных мужей, обитающих в замке, Луиза велела поставить в своей просторной гардеробной кровать для пленницы. Осмотрев с головы до ног труды своих слуг, сестра графа удовлетворенно улыбнулась. Элизабет выглядела крайне изможденной, но живой. Отсутствующий взгляд и пустые глаза дали ей понять, что сейчас им вряд ли удастся поговорить. Луиза сама проводила Лиз к кровати и уложила на мягкий матрас, сверху накрыв одеялом.

– Ты должна поспать, а потом я начну тебя откармливать, – мягко сказала Луиза, присаживаясь на край кровати, и держа руку Элизабет в своей. Не привыкшие к свету глаза девушки слезились, сосуды полопались от напряжения.

– Я не плачу, – прохрипела Элизабет. – Это свет.

– Я знаю, – нежно улыбнулась Луиза. – Но нет ничего плохого в том, чтобы поплакать рядом с тем, кто любит тебя.

– Ты любишь меня?

Мисс Чарлтон кивнула.

– Почему?

– Бог любит всех нас, несмотря на наши прегрешения.

Элизабет, мы обе прошли через ад. И я тоже была похожа на маленького ощерившего зверька, пока меня не спас брат.

Элизабет ничего не ответила, закрыв глаза длинными ресницами. Она все еще боялась, что это сон, приснившейся ей на холодном и влажном полу темницы

Элизабет проспала почти сутки, а когда проснулась, окончательно убедилась, что чудесное избавление ей не пригрезилось. И она действительно лежит на чистых простынях, в чистом белье, не слышит отвратительного писка крыс, а в голове не копошатся вши. Комната Луизы была наполнена светом, который лился из большого окна, тепло от натопленного камина, украшенного резьбой и многочисленными полочками, на которых лежали разные женские принадлежности и безделушки, заполняло все пространство. Элизабет не могла насытиться всем этим. Солнечный свет и тепло пронзили ее тело, отогревая что-то давно умершее в ее душе. Со своей кровати, установленной в гардеробной, Элизабет могла просматривать всю комнату Луизы Чарлтон. Как же эти светлые уютные покои не походили на мрачную скупую обстановку в комнатах ее брата. Стены покрывали расписные в бледно-голубых и постельных цветах гобелены, тяжелые парчовые портьеры на окнах, расшитые золотом и серебром,

резная мебель, привезенная откуда-то из-за границы, так как в Англии такую не изготавливали, предпочитая что-то более массивное и грубое. Возле кровати с бирюзовым балдахином стоял французский дрессуар. В комнате Элизабет в поместье отца был точно такой же. На стульях с резными ножками лежали расшитые подушки, пол застелен цветными коврами с толстым ворсом. На потолке причудливая лепнина, кое-где подкрашенная серебряными и кремовыми цветами. Все в этой комнате выдавало тонкий вкус своей хозяйки.

Девушка, которую Луиза ненавидела и считала предательницей, спасла ей жизнь. Было ли это следствие чувства вины или благородным порывом души, Элизабет не знала, но ненавидеть сестру своего мучителя и врага больше не могла.

Откинув одеяло, девушка встала. Сон придал ей сил. Она чувствовала, как энергия возвращается к ней вместе с чувством голода и жажды. Элизабет надела новые удобные туфли и подошла к окну. Перед ней раскинулся чудесный вид на живописные долины и холмы, маленькие озерца, речушки и болота, заросшие белыми цветами. В долинах паслись лошади и рогатый скот, а еще дальше располагалась деревушка. Маленькие домиками, с конусообразными крышами, крестьяне, трудящиеся на полях. Элизабет замерла, чувствуя, что готова расплакаться. Она и забыла, что вокруг есть мир. Такой красивый и пестрый, и люди, много людей со своими горестями и печальями.

– Ты проснулась, – раздался за спиной мягкий мелодич-

ный голос.

Элизабет резко обернулась и посмотрела на вошедшую Луизу Чарлтон. Девушка показалась ей ослепительно красивой. Синие миндалевидные глаза с длинными черными ресницами смотрели на нее с нежностью и теплотой, на изящных скулах играл румянец, тонкая линия шеи, белоснежная кожа и черные, как смоль волосы, аккуратно завитые в длинные локоны вдоль лица. На Луизе было очаровательное атласное голубое платье, с низким декольте, а талия в корсете казалась осиной. Из украшений только нитка белого жемчуга, обвитая вокруг шеи. И как она сразу не поняла, что такая красавица с нежной кожей не может быть служанкой.

– Как ты оказалась с Алексом Флетчером в Йоркшире? – спросила Элизабет первое, что вдруг пришло ей в голову. Глаза Луизы мгновенно потухли. Девушка отошла в сторону, пропуская Мэри с подносом в руках.

– Это неважно, Элизабет, – тихо сказала Луиза, медленно ступая по ковру. – Нам нужно позавтракать. Ты голодна?

– Да, – кивнула Элизабет, глядя на заставленный аппетитными блюдами поднос, который Мэри поставила на столик посередине комнаты.

Все три девушки сели за стол.

– Я всегда ем здесь. Не люблю общество мужчин, трапезничающих в зале. Они бывают очень вульгарны, – пояснила Луиза, заметив удивленный взгляд Элизабет. – А других женщин, кроме прислуги, тут нет.

Они ели в полнейшей тишине. Лиз сначала, не стесняясь, и не думая о приличиях, жадно набросилась на жареную курицу с овощами, отведала нежное мясо гуся, щедро намазала хлеб паштетом из оленины, а потом, насытившись, принялась размышлять над вопросом, на который ей не ответила Луиза. Так, как же она оказалась в поместье Томаса Перси в компании тогда еще будущего мужа Элизабет, да еще в роли немой служанки. Если предположить, что она попала под чары Алекса, и будучи его любовницей, поехала за ним, то сразу появлялись противоречия. Ни одна девушка в здравом уме, тем более столь юная, не отправится с любовником на его свадьбу с другой женщиной в такой нелепой роли. Все поведение Луизы в поместье Ньюборн указывало на то, что она оказалась там не по своей воли, и ее слова перед тем, как Лиз погрузилась в сон. *"Мы обе прошли через ад"*. Имелось ли в виду под словом "ад" – насилие? Неужели Алекс Флетчер, барон Ридсдейл – насильник совсем молоденьких девушек? Пару месяцев назад она бы ни за что не поверила в это. Но трагические события в жизни многое повернули в ее душе. Она уже не видела мир глазами прежней Элизабет Невилл. Самый уважаемый джентльмен на поруку мог оказаться душегубом и извергом. И ей знаком живой пример. Граф Мельбурн. Они с Алексом давние соперники в борьбе за власть и земли. Мог ли Алекс похитить и обесчестить его сестру? Здравый смысл говорил, что да. Но остатки чувств, еще теплившееся в душе девушки, искали ему оправ-

даний и других объяснений. Может быть, злодей Мельбурн вынудил Алекса поступить таким образом. Но, даже в этом случае, его поступок был отвратителен и противоестественен. Ей вспомнились слова Мельбурна, когда он говорил, что ее муж прекрасно знает, что они с ней сделали. Были ли мучения и пытки, которым подвергли Элизабет мстью на действия ее мужа? Да. Теперь она в этом не сомневалась. Но это не умаляло ни на грамм ее ненависти к Мельбурну. Ничто не может оправдать подобного зверского отношения к человеку, тем более к девушке. Увлеченная мрачными мыслями, Лиз не могла не заметить откровенно недоброжелательного отношения к ней горничной Мэри Бренон. Она бросала на Элизабет презрительные взгляды, и старалась держаться от нее подальше, словно от прокаженной. Осуждать служанку было сложно, особенно после всего, что она видела в темнице. Лиз сама удивлялась, как ей удалось не подцепить заразу в грязном, кишасщем крысами подземелье.

– Как долго я просидела в темнице? – спросила Элизабет, обращаясь к Луизе Чарлтон.

– Чуть больше месяца. Я почти каждый день просила Ричарда отменить наказание, но он был не преклонен.

– Что изменилось? – Лиз положила на тарелку надкушенный кусок хлеба с паштетом, почувствовав, что больше не сможет съесть ни крошки.

– Я сама не знаю. Последние дни граф изменился. Стал мягче, что ли. Больше не бросается на людей, не напивает-

ся до полусмерти, даже охотой снова увлекся. Я стала узнавать своего прежнего брата. Я боюсь делать какие-то выводы или прогнозы, но мне кажется, что демоны, которыми он был одержим в последнее время, отпускают его.

Элизабет напряженно застыла. Страшная догадка промелькнула в ее голове. Мельбурн не раз говорил, что главной причиной ее похищения является желание отомстить Алексу Флетчеру.

– Может быть, – голос девушки предательски дрогнул. – Граф Мельбурн осуществил свои планы относительно моего мужа?

– Нет, – категорично покачала головой Луиза. – Я бы знала об этом, и ты, я думаю, тоже. Если бы Ридсдейл был мертв, твое пленение потеряло бы смысл. Возможно, Ричард близок к .... Элизабет, тебе не нужно терзать тебя мыслями о Флетчере. Этот человек не стоит тебя.

– А кто стоит, мисс Чарлтон? – скривив губы в усмешке, спросила Элизабет. Ярость с новой силой запылала в ее душе. – Кому я, вообще, теперь нужна? Может, я не уйду отсюда живой? Кто знает, что завтра придумает твой брат.

– Завтра – ничего не придумает. Граф Мельбурн в отъезде. Отбивает свои земли от набегов разбойников, – холодно ответила Луиза. – Я сделаю все, чтобы ты благополучно вернулась домой.

– Я не уверена, что еще хочу этого, – откинувшись на спинку стула, бессильно прошептала Элизабет. Весь ужас

случившегося внезапно свалился на нее, раздавив своим неподъемным грузом.

– Что ты говоришь, – Луиза наклонилась вперед и накрыла ледяную ладонь Лиз, своей теплой рукой. Потом посмотрела на служанку, словно не решившись говорить при ней. – Мэри, убери со стола, и отнеси остатки пищи на кухню, – попросила она.

Когда горничная покинула покои госпожи, Луиза снова обратилась к Элизабет.

– Я понимаю, как тебе тяжело. Ты не понимаешь, что происходит. Почему ты здесь...

– Почему же? Я догадываюсь, мисс Чарлтон, – Лиз медленно поднялась на ноги. – Мой муж и ваш брат – давнишние враги и соперники. Алекс похитил вас из родного дома, силой увез с собой, возможно, обесчестил, и граф решил отомстить. Он не просто захватил земли моего мужа, но и его жену.

– Если вы думаете, что я поддержу или опровергну ваши догадки, Элизабет, то ошибаетесь. Я дала слово брату, что ничего вам не расскажу, и сдержу его. Вы должны знать только одно – ваш муж – негодяй, и заслуживает самой страшной смерти. Но я со своей стороны, сделаю все, чтобы ваша судьба изменилась к лучшему.

– Как? Я похищена и обесчещена. Я никогда не смогу этого забыть, и общество не забудет, если я вернусь домой.

– Что-то подсказывает мне, Элизабет, что для вас мнение

общества не так уж много значит. У вас есть родные и близкие, которые любят вас и сделают все, чтобы боль от случившегося пусть не забылась, но утихла.

– Вам легко говорить, миледи, – горько ответила Элизабет.

– Никто, кроме меня, не знал, что вы похищены. Ваше имя не пострадало. Глаза Луизы наполнились страданием, и Лиз пожалела о сказанных в гневе словах.

– Извините меня. Я понимаю, что такое не забывается, – тихо прошептала Элизабет.

– Ничего. Вы имеете право на гнев. Давайте с вами договоримся, что с этого момента мы не станем обсуждать графа Мельбурна и барона Ридсдейла. Я бы не хотела, чтобы мы вновь стали врагами, Элизабет.

– Да, я согласна, – кивнула Лиз с некоторым облегчением. – Я так понимаю, что в данный момент – моя судьба в ваших руках. Что я должна делать?

– Я бы с удовольствием разместила вас, как гостью, но вы понимаете, что это невозможно. Я уже давно ищу девушку, которая могла бы делать мне прически и помогать с одеждой. Мари – хорошая горничная, но у нее нет ни вкуса, ни опыта.

– Я поняла, – сухо ответила Элизабет.

– Кажется, пора отдавать долги. И мы с вами поменялись местами, но я надеюсь справиться со своей ролью лучше, чем когда-то вы, – легкая улыбка тронула губы девушки. Заплести и одевать Луизу Чарлтон гораздо приятнее, чем выно-

сидеть помой или сидеть в вонючей каменной ловушке.

– Да, Элизабет, я бы хотела попросить вас не покидать пределы этого крыла. В замке полно мужчин, расположенных к вам не очень благосклонно. – предупредила новую прислугу Луиза. – Если что-то будет нужно вне замка или на кухне, смело отправляйте Мэри.

– Не думаю, что ей это понравится, миледи.

– Не беспокойтесь, Элизабет. Я с ней договорюсь. – Лиз. Зовите меня Лиз. Ни к чему эти церемонии.

– Хорошо, Лиз. Вы тоже можете называть меня просто Луиза.

– Алекс, объясни, зачем такая спешность? И что за странная секретность? – белокурая Лидия Браун, бросала на своего титулованного любовника грозные взгляды из-под наброшенного на белокурые волосы темного капюшона.

Барон Ридсдейл задумчиво щипал пальцами свой заросший щетиной подбородок, и смотрел в окно кареты. Они ехали уже несколько часов. От тряски Лидию мутило, а молчание Флетчера откровенно раздражало. Когда он бросил ее полгода назад, укатив в Йоркшир, чтобы жениться на какой-то аристократке, она уже и не чаяла увидеть его вновь. Не то, чтобы Лидия была сильно влюблена или скучала. Ей не хватало его денег. А барон Ридсдейл никогда не был скуп. Они познакомились в придорожной гостинице "Хитрый лис", где она подавала постояльцам еду и напитки, ино-

гда убирала комнаты. Ей только исполнилось шестнадцать, а остановившийся как-то ночью молодой и красивый лорд выказал ей свое недвусмысленное восхищение. Их роман продлился несколько недель. Алекс приезжал почти каждый вечер и оставался на ночь, а утром оставлял ей приличную сумму денег. Лидию это обстоятельство не унижало. Дочь простого пахаря не могла надеяться на удачный брак, а жить с мужиком с грубыми руками и рожать детей в нищете ей не хотелось. Так она оказалась в гостинице в надежде найти приличный заработок или любовника со средствами. Ей повезло почти сразу. Когда Флетчер покинул ее, Лидия недолго оставалась одна. Но скромные вознаграждения случайных путников, торговцев и сквайров не шли ни в какие сравнения с щедростью барона. И вот этой ночью он появляется в "Хитром лисе" по уши в грязи и на взмыленном коне, и объявляет, что забирает ее с собой. Конечно, Лидия поехала. Она же не дура, чтобы упускать такой случай. Но что-то в поведении ее бывшего любовника заставило девушку насторожиться. Она перестала задавать вопросы и с опаской поглядывала на уставшее напряженное лицо барона. Несмотря на исключенный и неряшливый вид, он был все так же красив. Симметричные правильные черты лица, изумрудные грешные глаза, впалые скулы, и ямочка на подбородке, придающая его холодному лицу некоторую мягкость и чувственность. Какое-то время девушка смотрела на его руки в перчатках из мягкой коричневой кожи. Тонкие длинные пальцы, которые

умели творить чудеса. Он был самым лучшим из ее любовников, и самым загадочным. Длинный бархатный плащ, отороченный мехом, почти полностью скрывал его стройное тело, высокие кожаные сапоги забрызганы грязью английских дорог.

Неожиданно он повернулся и посмотрел на нее пристальным пронзительным взглядом.

– Сними капюшон, – приказал он холодным тоном.

Лидия вздрогнула от резких ноток, прозвучавших в его голосе, но исполнила его просьбу.

Барон Ридсдейл долго разглядывал ее лицо. Длинные светлые волосы, нежная белая кожа, вздёрнутый капризный носик, ярко-голубые растерянные глаза. Что ж, она то, что нужно.

– Покажи зубы, – уже мягче потребовал Алекс.

Лидия раздвинула губы.

– Замечательно. Ты – прелесть, дорогая. А теперь одень это, – быстрым движением барон вытащил из большой сумки несколько свертков и бросил Лидии.

– Что это? – изумленно спросила она, разворачивая бумагу спешными нетерпеливыми движениями.

– Подарок, – Алекс улыбнулся одними губами. Глаза его опасно сверкнули, но Лидия ничего не заметила. Ее внимание было поглощено удивительно красивым вещам.

– Боже, Алекс. Это платье! Оно же совсем новое.

– Конечно, милая. Я только что от портного. Моя девушка

не должна носить обноски.

Лидия засмеялась от охватившего ее восторга. Она с благоговением дотрагивалась до дорогой парчи изумрудного цвета, из которой было сшито платье. В следующем свертке оказалась нижняя шёлковая рубашка, пояс, чулки и туфли из мягкой кожи, расшитые золотом.

– Как прелесть. О, мой дорогой, я так благодарна. Я могу все это надеть?

– Да, и немедленно.

– Я просто не верю, – Лидия вскочила на ноги, чтобы броситься на шею своему благодетелю, но очередной ухаб бросил ее обратно на сиденье. – Ты pomoжешь мне?

– Ну, разумеется, – широко улыбнулся Алекс Флетчер.

Беатрис Флетчер тоскливо брела по длинному коридору. Шлейф ее кремового атласного платья влачился следом, собирая пыль давно не мытых полов. Она снова забрела в нежилое крыло замка, в который восемь месяцев назад ее насильно поместил Алекс. Замок тщательно охранялся, и к ее услугам были слуги, горничные и даже гувернантка, но она все равно скучала. Привыкшая к строгому распорядку в монастыре, в котором провела почти всю жизнь, пока брат не увез ее в этот каменный полуразрушенный склеп, она сходила с ума от огромного количества свободного времени и полной ограниченности своих передвижений. А когда приехал Томас Перси, стало еще хуже. Он слонялся по замку,

как приведение, горестно простирая руки, и беспрестанно читал молитвы. Рано утром он уезжал с отрядом воинов, а к вечеру заседал в большом зале со своими друзьями лордами за закрытыми дверями. Но после восьми вечера начинались его стенания. Беатрис знала, что его дочь несколько месяцев назад уехала на конную прогулку по окрестностям Йоркшира вместе со своей служанкой, и обе не вернулись. И теперь Перси отчаянно пытался найти свою дочь, которая к тому же доводилась Беатрис невесткой.

О женитьбе брата девушка узнала уже здесь, когда приехал Томас Перси. Сам же Алекс, после неудачной попытки отбить свой замок и земли Ридсдейла у графа Мельбурна, так ни разу здесь и не появился. Из обрывков разговоров Беатрис знала, что Томас и Алекс ведут переписку, и ее брат тоже прилагает все усилия, чтобы найти пропавшую жену. Они оба считали, что на девушку напали разбойники и держат ради выкупа, но до сих пор никто не попросил за Элизабет денежного вознаграждения.

Ежедневно люди баронов Перси Ридсдейла прочесывали окрестности Йоркшира, Нортумберленда, Дарема и даже Камберленда, нападали на разбойничьи крепости, брали в плен и допрашивали под пытками, но никто, никто не видел Элизабет. Она словно под воду канула, а если учесть количество рек и болот в округе, это было очень вероятно. Но Перси не желал мириться с потерей, он даже написал своего давнему сопернику Ральфу Невиллу, графу Уэстморлен-

ду, который имел большие связи в округе, состоял в тайном совете, и состоял на хорошем счету у короля, поддерживая его реформы, с которыми был категорично не согласен Томас Перси. Но их разногласия состояли не только в политических взглядах, об этом Беатрис узнала из перешептываний слуг. Сам Ральф Невилл был женат на дочери Элинор Перси, родственнице Томаса, но по каким-то причинам не дал согласия на брак последнего со своей сестрой Маргаритой Невилл. Томас и Марго бежали, но не успели вступить в брак, Маргарита Невилл умерла при родах. Уэстморленд ничего не ответил на письмо Томаса Перси, и несчастный отец совсем отчаялся. Не смотря на разные позиции и взгляды, он надеялся, что Ральф проявит участие в судьбе племянницы, но его мысли были заняты только политикой. На своего брата – графа Нортумберленда Томас Перси не мог рассчитывать.

По мимо проблем с женой – Мэри Талбот, и обострившейся болезни, по двору поползли слухи о скорой казни королевы Анны, а граф когда-то был помолвлен с королевой, и, как говорят, состоял с ней в интимной связи. Так что графу Нортумберленду грозил эшафот, и ему было не до пропавшей дочери брата.

Беатрис искренне сочувствовала барону, но его страдающий вид удручал ее. Она чувствовала себя одинокой и покинутой. Ей запрещалось покидать замок, запрещалось гулять в саду и разговаривать с незнакомцами. А лорды, приезжающие в замок, всегда были чем-то озабочены и старались, как

можно быстрее уединиться с бароном Нортумберлендом за высокими дверями большого зала.

Вернувшись в свои покои, девушка выслушала отповедь своей гувернантки Розали Дамп, старой девы с высохшим лицом и зорким взглядом, которая носила исключительно унылые коричневые платья с высоким воротником и закрывала волосы длинным ниспадающим вдоль лица платком, скрывающим волосы. Ей была непонятна тоска юной девушки, запертой в стенах замка. Беатрис грезил о балах и кавалерах. Она не хотела прозябать здесь, пока вокруг бьет ключом жизнь. Затворничества ей хватило в монастыре.

– Мисс Дамп, когда же придет Алекс и заберет меня из этого ужасного места? – печально спросила Беатрис, разглаживая кружево на пышном рукаве.

Тонкие губы женщины сжались в полоску. И без того бледное лицо, побелело. Розали Дамп сделала нервное движение руками и поспешно встала с кресла.

– Но он здесь, леди Беатриса, – сухо сказала она.

Девушка вскинула глаза на застывшую гувернантку. Что-то в ее позе заставило ее испугаться.

– Что-то случилось, мисс Дамп?

– Да, моя дорогая, – голос Розали дрогнул. Она сжала тонкие кисти на груди.

– Случилось самое страшное. Ваша дорогая невестка, Элизабет....

– О, ну говори же! – Беатрис вскочила на ноги.

– Ваш брат отбил ее у разбойничьей банды Джека Брайана, его укрепленный лагерь оказывается был совсем близко в горах Чевиота.

– Так надо радоваться, – растерянно пробормотала Беатрис.

Мисс Дамп промокнула глаза кончиком белоснежного кружевного платка, единственной светлой вещи, которую позволяла себе.

– Он заплатил за нее огромный выкуп и повез домой. Но бедняжка была так измотана, кони устали, и им пришлось остановиться на ночлег в таверне "Жареный петух", в пяти часах отсюда. Утром они выехали... и потом...

– Что? – Беатрис побледнела.

– На них напали. Всю свиту, за исключением двух человек и барона, зверски убили.

– А что с братом? – схватившись за сердце, воскликнула девушка.

– Он жив. У него незначительные раны. Но он вне себя от горя.

– Элизабет? Погибла?

– Да, он привез ее тело.

– Боже, – Беатрис Флетчер закрыла ладонями лицо. – Бедная девушка.

– Это ужасно. Барон Нортумберленд рыдает над ее телом, ее положили в покои, приготовленные сэром Перси для дочери. Мы все так наделались, что Элизабет вернется домой

живой. О, дитя, это так ужасно. Я видела ее. Платье разорвано в клочья, и вместо лица сплошная кровавая маска. За что несчастной девочке такая мученическая смерть?

– Я должна видеть брата. Я смогу его утешить, – уверенно заявила Беатрис.

– Не стоит. Они оба там. С ней. Дай им выплакать свое горе.

– Мой дорогой брат. Что же теперь будет? У нас ничего не осталось, земли и замок захвачены Мельбурном, я никогда не выйду замуж.

– Как вы можете, леди Бета. В такой горький час думать о материальных благах.

– Не будьте ханжой, мисс Дамп. Элизабет уже все равно, ее мучения окончены, а мои только начинаются.

– Успокойтесь, – холодно сказала женщина. – Их брак не признают не совершившимся. Они вместе провели ночь в таверне. И тому есть свидетели. Никто не оспорит, что Алекс Флетчер был законным мужем Элизабет Невилл. Ее приданное останется за ним.

Лицо Беатрис расслабилось. Она искусно изобразила скорбь.

– Какая трагедия. Так долго искать возлюбленную и снова потерять. Небеса были неблагоприятны к ним.

– Небеса ли, мисс, – пробормотала под нос Розали Дамп, отворачиваясь.

Томас Перси долго стоял над могилой дочери, не видя никого вокруг. Все звуки словно замерли. Его золотой девочки больше нет. Вот и его коснулось то, что пережили многие супружеские пары. Так много рождается детей, но так мало выживает. Томас думал, что ему не придется оплакивать своих. Элизабет.... Дерзкая, смелая, сорванец, а не девочка. В ней было больше силы и живости, чем в двух младших братьях. Прекрасная, как ангел, дикарка, сумасбродка, уверенная в своей красоте, мудрая не по годам. Такой, как она больше не будет.

– Марго, – прошептал Томас. – Я похоронил нашу девочку. Я потерял последнее, что соединяло меня с тобой. Скажи, как мне теперь жить? Вы обе покинули меня.

Опустившись на колени, не стесняясь удивлённых и смущённых взглядов, Томас Перси упал на могилу и зарыдал. Он почувствовал, как сильные руки подняли его, и обернувшись увидел полное боли лицо Алекса Флетчера. Он ошибался в этом мальчике. Ему удалось найти свою жену, но не хватило сил защитить. Томас не винил его. Элизабет любила Алекса, а это много значит для ее отца. Он позволил зятю обнять себя и увести с кладбища.

Элизабет Невилл, не подозревающая в этот самый момент отец горько оплакивает ее гибель, осторожными и умелыми движениями укладывала волосы Луизы Чарлтон в длинные локоны, которые струились до середины спины. Свер-

ху она надела розовую шляпку с загнутыми кверху полями, отороченными белоснежным мехом. Платье на Луизе тоже было нежно-розовым из тончайшего атласа с узким корсажем и широкой юбкой, которая шелестела при ходьбе. Высокий, обшитый венецианским кружевом воротник, низкий круглый вырез на груди, широкие сборчатые рукава до локтя и длинные белые перчатки, расшитые жемчугом. Наряд Луизы был пискom моды, в нем с легкостью можно было красоваться на балу, но девушке приходилось довольствоваться обществом грубых приятелей своего брата. Многие из них были дворянами, но вели себя хуже разбойников с большой дороги. И бедняжке предстояло провести вечер в этой сомнительной компании. Днем пожаловал граф и пожелал видеть сестру во время ужина. Элизабет чувствовала, что ее спокойной жизни пришел конец. И последние полторы недели были лишь краткой передышкой перед новыми испытаниями.

– Ну, вот. Я закончила, – с улыбкой сказала Элизабет, сделав несколько шагов назад и любуясь своей работой. – Вы красавица, Луиза.

И эти слова не были лестью. Девушка действительно была чудо, как хороша. Розовый цвет красиво оттенял ее матовую светлую кожу, и контрастировал с черными локонами, изящно упавшими на плечи. А синие глаза, выглядывающие из-под очаровательной шляпки, озорно сверкали.

– Лиз, мне очень нравится. Ты молодец.

– Вы в любом наряде выглядите чудесно, – вставила Мэри Бренен. А это уже была откровенная лесть, но Луиза одарила улыбкой и ее тоже. В конце концов, Мэри заслужила одобрение. Она ни разу не высказала ни одного нелицеприятного слова в адрес Элизабет, и вела себя очень сдержанно.

– Лу, дождусь я тебя сегодня или нет? – ворвавшись комнату без каких-либо предупредительных знаков, требовательно спросил Ричард Мельбурн. Элизабет оцепенела. Сердце испуганно забилося в груди в плохом предчувствии. Первым ее желанием было рвануть в гардеробную и спрятаться за платьями Луизы, но было уже слишком поздно. Граф заметил ее.

– Дорогая сестра, ты выглядишь сказочно. Платье тебе к лицу. Но я вижу ты не совсем в своем уме, – зловеще начал он, не сводя тяжелого взгляда с Элизабет Невилл, взирающей на него с завидным хладнокровием. Но он не мог знать, каких душевных сил ей это стоило.

– Что вы имеете в виду, брат? – тихо спросила Луиза, растерянно переводя взгляд с Ричарда на Элизабет и обратно.

– Что здесь делает эта девка? Разве ее прежнее место занял кто-то другой?

– Но вы сказали...

– Я имел в виду, что после счастливого освобождения, она вернется к работе на кухне. И что я вижу? – Зрачки Мельбурна сузились от ярости. Он окинул ее взглядом с ног до головы – Ты тратишь на эту шлюху муслин и кожу, которые

оплачиваю я.

– Но она работает. Она моя горничная.

– Кто это решил? – прогремел Ричард Мельбурн, повернув голову в сторону сжавшейся от страха сестры. – Какого черта! Разве не я решаю, нужна тебе вторая горничная или нет? И даже, если я согласен. Кто угодно, но не она, – граф указал пальцем на Элизабет. – Ты забыла, как жена нашего врага обращалась с тобой, как угрожала нам расправой со стороны ее супруга!

– Лиз уже искупила свою вину! – смело ответила Луиза.

– Вот как? Лиз? Может, вы еще и подружились? Это она научила тебя высокомерию и непокорности?

– Прекрати, Ричард. Ты пьян.

Девушка подошла к брату и попыталась взять его за руки.

– Мы все знаем, что ты здесь хозяин. Не стоит выходить из себя. Элизабет замечательно справляется с обязанностями, – мягко сказала она, пытаясь успокоить Мельбурна. Губы его сложились с жесткую улыбку, он отодвинул в сторону Луизу и подошел к Элизабет. Подняв голову, она смело смотрела в обманчиво сдержанное лицо.

– Это правда? Ты знаешь, что я здесь хозяин? – спросил он насмешливым тоном.

– Да, милорд. Это же ваш дом. Следовательно, вы в нем хозяин. Я никогда этого не отрицала, – четко ответила Элизабет.

– Снова дерзишь? – спросил Мельбурн, выгнув темную

бровь. Синие глаза опасно сверкнули.

– Вовсе нет, милорд. Я ответила на ваш вопрос, – спокойно сказала девушка, стараясь не тушеваться и не дрожать. Ярость всегда предавала ей сил, стоило ему появиться. И дрожь была вызвана не страхом перед новыми унижениями, а от ничем не сдерживаемой ненависти.

– Хорошо. Вот тебе новый вопрос. Какие обязанности ты выполняешь на службе у моей сестры?

– Причесываю, заплетаю, одеваю, раздеваю, слежу за одеждой, помогаю во время купания, стелю постель, – начала перечислять Элизабет.

– А ночной горшок? Его выносит Мэри, не так ли?

– Ричард, – возмущенно вмешалась Луиза.

– Ты в покоях леди. И эти вульгарные вопросы смущают всех нас.

– Отчего же, сестра? Ты разве не ходишь на ночной горшок? – не поворачивая головы спросил Мельбурн.

– Ну так, что, Лиз. Я прав?

– Вы правы, милорд, – кивнула Элизабет, сцепив зубы.

– А что так? Ручки замарать боишься? Твои стражники выносили за тобой ведро, не брезговали, а тебе сложно?

– Нет, милорд.

– Я хочу, чтобы ты это сделала.

– Ричард, – взвизгнула Луиза. Граф протестующе поднял руку.

– Молчи, ты сама во всем виновата.

– Давай, Лиз. Я жду.

Элизабет не моргая смотрела в беспощадное лицо графа. Может, он просил и не так много, но им двигало желание очередной раз унижить ее. Она не могла ему это позволить. На помощь совершенно неожиданно пришла Мэри.

– Горшок пуст, милорд. Я вынесла его только что, – сказала она.

– Правда, Мэри? – спросил он вкрадчивым тоном, посмотрев на девушку.

– Ты ведь не станешь обманывать меня после всего, что я для тебя сделал?

– А что особенного вы сделали, милорд, чего не сделал бы любой из ваших друзей, – дерзко ответила Мэри, подавившись общему безумному духу сопротивления мужской грубости.

– Что ж, Лиз. Ты укрепляешь свои позиции, как я вижу. Даже малышка Мэри подала голос, после того, как вынесла горшок, – он вульгарно рассмеялся.

– Мэри, милая, я учту твои замечания и передам их своим друзьям, они будут рады заменить меня, а сейчас сделай милость, достань этот чертов горшок и принеси сюда. Живо! – последнее слово он прокричал.

Девушки поняли, что дальше прекословить ему опасно. Едва держась на ногах, Мэри Бренен подошла к кровати и, взяв ночной горшок госпожи, поставила перед графом. Луиза, закрыв лицо ладонями в белых перчатках, вне себя от

смущения и злости на брата и собственного бессилья, отошла к окну.

– Проверим, Элизабет? – спросил он, пронзая девушку ледяным взглядом. – Посмотри, вдруг Мэри обманула меня?

– Нет, – Элизабет сделала шаг назад, презирая стоявшего перед ней мужчину всей душой.

– Вы омерзительны, милорд, – сказала она. Граф цинично усмехнулся.

– Спасибо за комплимент, мадам.

Подняв ногу, он пнул тяжелым кожаным сапогом по горшку, и он отлетел в сторону Элизабет, забрызгав ее платье своим содержимым.

– Итак, Мэри меня все же обманула. А расплачиваться за это будешь ты, Лиз. Раньше слуги не спорили со мной и не лгали мне. Убирай!

Краска отлила от щек Элизабет, но она не двигалась, не сводя широко распахнутых глаз с Мельбурна.

– Я понимаю, что ты отказываешься? – он медленно приближался. Элизабет стояла, не шелохнувшись. Укрыться от него в небольшом пространстве было негде. Он все равно исполнит то, что задумал. Девушка зажмурилась, приготовившись к тому, что ее снова будут бить. Но то, что сделал граф, оказалось в сто крат хуже. Схватив ее за локоть железной хваткой, Ричард Мельбурн швырнул девушку прямо в разлившуюся лужу мочи. Скорчившись на полу, Элизабет не двигалась, пребывая в ужасе от пережитого униже-

ния. А граф, похоже, был полностью удовлетворен спектаклем, устроенным для трех юных девушек. И только, когда до его слуха донеслись горькие рыдания сестры, он понял, что в желании уничтожить Элизабет Невилл, перегнул палку, испугав Луизу своим неистовством.

– Луиза, – Ричард подошел к сестре и положил руку на хрупкое плечо. Она сегодня была особенно красивой, а он заставил ее плакать.

– Луиза, – снова позвал он, мягко разворачивая к себе.

– Я так надеялась, Ричард, – прошептала Луиза сквозь слезы, обильно стекающие по щекам. – Я надеялась, что твоя человечность снова вернулась. Мне казалось, что ярость отпустила тебя. Но я ошиблась. У тебя черное сердце. Ты никого не видишь, кроме себя и своей мести. Тебе наплевать, что чувствую я.

Лицо Ричарда дернулось, словно от боли. Он притянул к себе сотрясающееся в рыданиях тело Луизы и обнял, положив голову на плечо.

– Прости меня. Прости. Я потерял голову. Я не должен был расстраивать тебя.

– Ты не расстроил меня, а открыл глаза. Я теперь вижу, кто ты на самом деле.

– Перестань. Ты же знаешь, что я люблю тебя. Я все для тебя сделаю. Нас только двое, Лу. Ты и я. Мы – семья, – слегка отстранившись, Ричард нежно стер пальцами слезы с лица Луизы.

– Вот так. Все хорошо, милая. Успокойся. Я тот, кто защищает тебя, каким бы черным не было мое сердце, в нем всегда будет место для тебя. – он мягко улыбнулся, глядя в заплаканные глаза сестры. – Я прошу только об одном, не вмешивайся в мои дела. Я сам разберусь с Элизабет, с Ридсдейлом и другими проблемами. Разве ты не понимаешь, что у меня есть причины вести себя так?

– Прошло много месяцев, Ричард. Сколько можно?

– Это никогда не закончится, – ожесточенно ответил Мельбурн. Опустив руки, он отошел от сестры. – Ты расстроена, я понимаю. Я освобождаю тебя от присутствия за столом. Твое место займет Элизабет.

Ричард повернулся и посмотрел на свою пленницу. Девушка уже встала, и теперь взирала на него с нескрываемым изумлением. Похоже, что его последняя фраза осталась не услышанной.

– Помойте и переоденьте ее. А потом пусть Мэри проводит нашу гостью в зал, – распорядился он, и быстрыми уверенными шагами покинул спальню Луизы.

– Мне так жаль, Лиз. Простите меня, – прошептала Луиза, глядя на Элизабет.

– Я распоряжусь насчет ванны, – быстро проговорила Мэри и ретировалась из спальни.

– Не нужно извиняться, Луиза. Вы ни в чем не виноваты, – прошептала Элизабет, снимая испорченную одежду. Ею постепенно начинало овладевать отчаянье. Сколько еще уни-

жений и страдания ей предстоит пережить? И хватит ли у нее сил? Терпение девушки было на исходе, в горле клоко-тал нервный смех.

– Луиза, я знаю, как вы любите брата, но, если вам не безразлична моя судьба. Если вы хоть чуть-чуть симпатизируете мне.... Вы можете мне помочь.... Или я убью его. – Элизабет опустила голову. – Я найду способ, выберу момент и сделаю это.

– Что я могу для вас сделать? – решительно спросила Луиза Чарлтон.

– Я не могу просить вас, послать весточку моему отцу, потому что он тут же пошлет армию, которая уничтожит и этот замок и всех вас. Вы никогда не предадите брата таким подлым образом, но вы можете помочь мне организовать побег.

– Но как? – глаза Луизы испуганно расширились. – В замке полно охраны и вооруженных воинов, ворота стерегут, как зеницу ока.

– Не сейчас. Граф часто уезжает, забирая с собой лучших бойцов. Я могу переодеться или спрятаться в повозке торговца, выезжающего в деревню. Нужно только заплатить ему, чтобы он отдал мне лошадь. Пешком до Йоркшира мне не дойти. На худой конец я могу податься в Камберленд, там живет моя тетьа. Граф Камберленд – ее муж, он губернатор замка Карлайл и часто находится там. Это всего несколько дней пути. Прошу вас. Мне так нужна надежда, что однажды я вырвусь отсюда. Я не могу больше ждать, что отец или муж

найдут меня.

– Элизабет, подумайте здраво. Вы не можете ехать одна. Север кишит разбойниками и головорезами. Вам не добраться живой и невредимой до своих родных. Но я попробую что-нибудь придумать, – Луиза тяжело вздохнула. – Ричард не простит меня, если я помогу вам.

– Простит, – покачала головой Элизабет. Ей вспомнилось лицо графа, когда он утешал свою сестру. Это был совсем другой человек, не похожий на графа Мельбурна, которого знала Элизабет Невилл.

Глава 5

Через час Мэри действительно проводила пленницу, переодетую в серое простое платье с белым передником, в большой зал. Вымытые и еще влажные волосы девушки были спрятаны под кружевной чепец, на ногах – деревянные сандалии без задников. Оказавшись в центре зала, Элизабет облегченно вздохнула, заметив, что ничем не выделяется из вереницы девиц, прислуживающих за огромным дубовым столом. Граф даже не сразу заметил ее. Он сидел во главе стала на массивном кресле-троне из красного дерева, и спорил с рыжеволосым и бородатым Томасом Ридом, который сидел по правую руку от него. Слева сидела весьма потасканная девица легкого поведения с распущенными темными волосами и размалеванным лицом. Декольте ее пурпурно-алого платья было неприлично глубоким. Рядом с другими воинами, принимавшими участие в попойке, а ужином то, что здесь происходило, назвать было сложно, маячили, подобные подруге графа, прелестницы. На огромном, расположенном в форме буквы П столе было много различных блюд, состоящих в основном из мяса оленины и дичи, и разнообразия сосудов с вином вина. Сидр, грушовка, пиво, наливка и ром лились через край. В зале стоял гул мужских голосов, к которому присоединялся женский смех. И в этот вертеп граф собирался пригласить свою сестру?

Девушка поежилась от холода. Несмотря на полыхающий в камине огонь и большое количество разгоряченных спиртным мужчин и женщин, промозглый влажный прохладный воздух не спешил прогреться. Для большого зала одного камина была явно недостаточно, но полураздетым друзьям графа, как и ему самому было гораздо теплее, чем Элизабет. Она опасливо вглядывалась в лица мужчин, пытаясь найти среди них своих насильников, но не нашла ни одного. Смешавшись с толпой прислуги, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания, девушка принялась убирать со стола пустую металлическую посуду и подливать в бокалы вино. Она относила на закопченную кухню остывшие блюда и возвращалась с только что приготовленными. Злополучный повар так был увлечен процессом, что не узнал свою бывшую подопечную. Элизабет старалась держаться подальше от графа. И до определенного момента ей это удавалось. Но случилось так, что, когда серебряный кубок Мельбурна опустел, она оказалась к нему ближе всех. Не глядя в ее сторону, граф сделал знак рукой, и ей пришлось подойти, чтобы плеснуть ему очередную порцию рома. Жидкость из кувшина пролилась на стол, когда Мельбурн неожиданно схватил ее за руку.

– Думала, что я тебя не заметил? – криво усмехнулся он, глядя на девушку синими глазами. Элизабет побледнела, впервые потеряв дар речи. Томас Рид повернулся и внимательно посмотрел на нее.

– Бог мой, это же наша птичка Невилл! – хохотнул он. И

все присутствующие, как по команде, уставились на оторопевшую девушку. Ричард отпустил ее руку, и она поставила кувшин на стол.

– Уважаемые господа и прекрасные дамы! – басом проговорил граф. – Хочу представить вам Элизабет Невилл, баронессу Ридсдейл. Благодаря ее стараниям я изменил свои планы, и вместо скучного светского вечера, устроил всем нам маленький праздник души и тела. Баронесса так благодарна мне за гостеприимство, что готова сама прислуживать за нашим столом.

Элизабет почувствовала, как краска заливает ее лицо. Насмешливый жестокий взгляд графа пронизывал ее насквозь.

– Извини, что я раскрыл твое инкогнито. Надеюсь, ты продолжишь то, что начала с таким успехом. Я удивлен огромным количеством твоих талантов. Язык без костей, наглость, граничащая с глупостью, задатки горничной, а теперь еще и прислуга за столом. Выходит, зря я держал тебя в подземелье. Мы могли бы сразу договориться, зачем было артачиться?

– Не слишком ли много внимания к моей скромной персоне, милорд? – справившись с волнением, спокойно спросила Элизабет. Граф широко улыбнулся, продемонстрировав ямочки на щеках, которые девушка раньше не замечала.

– Почему же скромной? – спросил он с издевкой. – Если скромность кого-то и украшает, то только не вас, миледи. Потому что в вас ее вовсе нет.

– Вы хотите видеть меня скромной? – с вызовом спросила Элизабет. – Смиренной? А, может, покорной и молчаливой?

– Ну... – протянул Мельбурн, – Хотя бы.

– Купите себе рабыню, – резко ответила девушка.

Женщины в зале захлопали. Элизабет ожидала от графа очередной вспышки гнева, но только не взрыва неудержимого хохота.

– Да, ей и правда, палец в рот не клади, – выкрикнул кто-то.

– Можешь идти, Элизабет, – неожиданно сказал Мельбурн, повергнув ее в еще большее потрясение. – Я вдоволь поглумился над тобой. Боюсь, что еще пара бокалов, и ты начнешь мне нравиться, а вот тебе самой такой поворот не понравится точно.

Гости графа снова оглушительно засмеялись. Решив не испытывать судьбу, Элизабет проглотила рвущиеся резкие слова, и выбежала из зала.

Уже поздним вечером, лежа на своем матрасе, набитом шерстью, она все еще не верила, что так легко отделалась. Судя по приглушенным звукам и грохоту, праздник все еще продолжался. Элизабет чувствовала, что чудом избежала трагедии. Что бы не задумал граф, приглашая ее на свой пир, он изменил свое решение. Ее не интересовали причины, она надеялась, что Мельбурн сказал правду. Он вдоволь поглумился над ней. И теперь оставит в покое.

– Ясно одно, Чарлтон, мы поставили не на ту кобылку, –

глотнув вина, Томас Рид вытер рот тыльной стороной огромной руки. Ром стекал по его рыжей бороде и падал на некогда белую рубашку. Темно-синий парчовый камзол был распахнут и тоже забрызган вином и жиром. Мельбурн оттолкнул шлюху, жмушущую к нему, и повернулся к Риду.

– Ридсдейл – хитрая лиса, – сказал он. – Он знает, что мы его ждем и не придет сюда, пока не будет готов. Я посылал по его следу десятки проверенных и сообразительных шпионов, но Флетчер всегда ускользает. Как ему это удается?

– Он вырос среди разбойников, и поддерживает почти все их кланы...

– Потому что они платят ему.

– Да, но это не меняет главного. Флетчер умеет выживать, убивать и скрываться. Ему нет дело ни до кого, кроме самого себя. Даже похищение его сестры не даст нам гарантии, что он явится ее спасать.

– Нет, не даст, – согласился Мельбурн.

– Если он воспользуется приданым своей жены, мы можем оказать в невыгодном положении. У него есть деньги, есть люди, которых можно нанять и использовать, как солдат.

– Перси не позволит ему завладеть приданым, пока не найдет дочь, – покачал головой Ричард. – Мы не можем его выловить, вот, что меня интересует больше всего. А, что до его баб, так мне безразлично, нужны они ему или нет, я не стану проверять это, как не стал он. Алекс Флетчер уничтожил мою семью, я сделаю с ним тоже самое. По-другому про-

сто не может быть. Не имеет значения, кто покровительствует Элизабет Невилл и Беатрис Флетчер. Я не боюсь понести наказание за свои действия. Когда умирали моя жена и сын, моя сестра и ее дети, когда умирали мои люди, которых я знал с малых лет и уважал, никто не пришел к ним на помощь. Никто не вступился и не обвинил Флетчера. Луиза – единственный свидетель его преступлений, но я никогда не позволю подвергнуть ее допросу. Я разберусь с этим сам, Томас. Если завтра Роберт не привезет мне Беатрис Флетчер, я поеду за ней сам.

Голоса и шорохи смолкли почти под утро. Элизабет не могла уснуть и слышала, как гости волочащейся походкой разбредаются по комнатам. Вскоре наступила долгожданная тишина, прерываемая только завыванием ветра в запутанных коридорах замка. Девушка плотнее укрылась теплым одеялом, закрывая глаза. Она очень надеялась, что Луиза сдержит слово, и начала продумывать возможный план побега, когда вдруг услышала странные звуки. Сначала ей показалось, что птицы царапают когтями внешнюю стену замка. И шорохи были похожи на те, что издает взмах крыла крупного сокола. Возможно, просто вороны скребутся возле окон в поисках пищи. Отругав свое разыгравшееся из-за бессонницы и усталости воображение, Элизабет снова попыталась заснуть. Отчетливо услышанный свист, заставил девушку подскочить с кровати. Руководствуясь инстинктом са-

мосохранения, Элизабет не побежала к окну, чтобы посмотреть, что происходит, а отошла вглубь гардеробной Луизы Чарлтон, укрывшись в самом темном углу.

То, что ей сначала показалось царапанием когтей птиц, на самом деле были железными крюками, брошенными на стены замка, а взмах крыльев — взвившейся веревкой. На замок собирались напасть, и вторжение могло начаться в любую секунду. И только сейчас девушка осознала, насколько уязвимы обитатели замка. Женщины спят в своих кроватях, а мужчины мертвецки пьяны. Лиз не знала, как обстоят дела с воинами, разбросанными по периметру замка, но охрана знала, что их хозяин устроил вечер возлияний, и тоже могли позволить себе лишнего. Первое, что почувствовала Элизабет, стал леденящий душу страх, вторым появилось желание побежать в покои графа и предупредить его. Она не знала, кто их притаившийся враг, и снова становиться трофеем, Лиз не хотела. Надежда на то, что за ней пришли посланцы отца или Алекса, остановила девушку от попытки разбудить того, чьей помощи хотелось бы просить в последнюю очередь. Взгляд Элизабет встревоженно метнулся к кровати Луизы. Если пришли за ней, то Лиз сможет защитить ее. Отец не тронет ни в чем неповинное дитя. И с Алексом тоже можно будет уладить эту ситуацию, а потом он объяснит ей, что делала сестра графа рядом с ним во время их помолвки и свадьбы в образе немой горничной.

Элизабет вжалась в стену, и почти перестала дышать. Вне-

запно все стихло, и воцарилась абсолютная тишина. Но она знала, что это затишье перед бурей.

Все произошло в одно мгновение. Раздался воинственный клич, и страшный грохот разрушил сонный покой замка. Элизабет слышала, как разбились окна, и кто-то мягко приземлился на застеленный толстыми коврами пол. Где-то в глубине замка закричала женщина, послышался грохот и топот десятков ног по коридору. Гул все нарастал, но Элизабет сосредоточила свое внимание на двух мужских фигурах, бесшумно подкрадывающихся к кровати, на которой безмятежно спала Луиза. Они окружили ее с двух сторон. Элизабет хотелось ринуться на помощь подруге, но она понимала, что только погубит их обеих. Нужно выгадать время и что-то придумать. Она внимательнее присмотрелась к захватчикам. Несмотря на темноту, царившую в спальне, ей удалось разглядеть, что на мужчинах нет доспехов, и одеты они очень странно.

Все ее надежды рухнули в одночасье, когда Лиз поняла, что вовсе не люди отца пришли спасать ее от плена графа Мельбурна, и не супруг соизволил вспомнить о юной жене, томящейся в неволе. На замок графа напали шотландцы. Ничего хуже она и представить не могла.

Жуткий вопль в соседней комнате и звуки ударов, крики и звон мечей разбудили Луизу. Пошевелившись, девушка открыла глаза. Испуганный возглас приглушил один из шотландцев, закрыв ей рот рукой. Мужчина хрипло и тор-

жественно рассмеялся.

– Попалась, спящая красавица, – грубовато сказал он.

Луиза замычала и начала отчаянно вырваться, второй шотландец держал ее руки. Оба склонились над своей беззащитной жертвой, готовые в любой момент растерзать ее.

Элизабет, затаив дыхание наблюдала за разыгрывающейся отвратительной сценой из своего угла. Ее внимание привлек металлический блеск кинжала на поясе захватчика, стоявшего к ней спиной.

Она быстро оценила свои шансы, которых, честно говоря, у нее девушки против двоих здоровенных мужчин было не много, но и другого выхода у Элизабет Невилл тоже не было. На ее стороне была темнота, внезапность и скорость, с которой ей придется действовать, чтобы выжить самой и спасти Луизу. Ее разум отключился, отстранившись от общего хаоса, творящегося в замке. Она не слышала ни звона разбившихся зеркал, ни предсмертных хрипов, ни грубых ругательств и грохота мебели, все, что она видела сейчас, это кинжал на поясе шотландца. Повинуясь инстинктам, нежели расчету или какой-то боевой тактике, Элизабет рванула вперед. В общей неразберихе звуков, обладатель оружия не услышал ее приближения. Молниеносно-быстрым движением, девушка выхватила кинжал из ножен и, не раздумывая даже доли секунды, по самую рукоятку всадила в спину шотландца. Лезвие вошло, как по маслу. Она даже растерялась, удивленная тем, как легко убить человека. Враг не успел да-

же обернуться, огромное тело упало к ее ногам. Но оставался еще один. И он уже знал о ее присутствии. Но Элизабет уже овладел дух воительницы. Страх отступил, оставив место только одной цели – убить, чтобы не быть убитой самой. Лицо второго шотландца было скрыто темнотой, но всего нескольких мгновений его замешательства ей хватило, чтобы обогнуть кровать и ринуться на обидчика Луизы с занесенным в руке кинжалом. Все это время до смерти испуганная сестра графа молча наблюдала за происходящим, оцепенев от ужаса.

Ни бесстрашие Элизабет, ни ее молниеносная реакция не помогли ей. Ее соперник был сильнее и выше. Захватив ее руки, он развернул девушку спиной к себе и начал выворачивать ее слабые запястья. Не чувствуя ни боли, ни отчаянья от своей неминуемой судьбы, Элизабет из-за всех сил сражалась за жизнь. Она била хватчика головой в грудь, пинала носами деревянных ботинок в голени и пыталась вцепиться зубами во все места, до которых могла дотянуться. Одно запястье девушки неприятно хрустнуло и кинжал вывалился из ослабевшей руки. Она застонала от досады, а мужчина победно рассмеялся.... Смех превратился в хрип так же внезапно. В распахнутых настежь дверях стоял граф. Его взгляд быстро оценивал ситуацию. Почувствовав, что ее больше никто не держит, Элизабет растерянно обернулась. Второй шотландец тоже лежал на полу. В его лбу торчал короткий нож, на лице застыло изумленное выражение, глаза

широко распахнуты, а из раны толчками выливалась темная густая жижа. Девушка прикрыла рот рукой, пытаясь сдержать тошноту, и застонала от боли в запястье.

– Только свались в обморок, и я сам тебя прибью, – пообещал Мельбурн, быстро проходя в комнату. В коридоре толпились воины графа.

– Чарлтон, быстрее. Уводи их отсюда, – крикнул Томас Рид, – пронзая мечом набросившегося справа врага.

– Возьми, – коротко бросил Мельбурн, указав на оброненный в схватке кинжал. Элизабет подошла к труп, и взяла оружие, лежавшее почти под мертвецом. А граф, тем временем, направился к сестре. По дороге он наткнулся еще на один труп с резаной раной, и, бросив быстрый взгляд, на Элизабет, молчаливо разглядывающую окровавленное лезвие, добытого столь трудным и рискованным путем кинжала, обратился к Луизе.

– Ты можешь идти? – мягко спросил он. Невидящие полубезумные глаза сестры с трудом сфокусировались на нем. Девушка отрицательно мотнула головой. Подхватив легкую, словно перышко, Луизу на руки, одетую в одну только ночную рубашку, он пошел к двери. На пороге он обернулся.

– Элизаб.... – хотел сказать он, но слова застряли в горле, когда он увидел, как хрупкая белокурая девушка, одетая в длинную белую рубашку, вытаскивает брошенный им нож из головы шотландца, и обтерев об его одежду, крепко зажимает в другой свободной руке. Подняв голову, она спокой-

но встретила его изумленный взгляд. Ричард вопросительно поднял одну бровь.

– Пригодится, – пояснила Элизабет, шествуя к двери.

– Я породил монстра, – пробормотал Ричард Мельбурн.

Передав сестру в руки одного из своих людей, и толкнув Элизабет вперед, он вместе со остальными воинами, защищал их сзади. Невилл не сразу поняла, куда их ведут. Она едва поспевала за высоким худощавым молодым человеком, бережно держащим в своих объятиях Луизу Чарлтон, в то время, как позади раздавался звон мечей и ожесточенные выкрики сражающихся насмерть людей. Элизабет несколько раз оглядывалась, чтобы удостовериться, что их защитники еще живы. Постепенно до нее дошло, почему граф не спрятался за спины друзей, и передал Луизу самому слабому и юному воину. Огромное количество кровопролитных битв, через которые пришлось пройти молодому графу, не прошло даром. Он один стоил троих своих рыцарей. Несмотря на ненависть к Мельбурну, Элизабет не могла не признать его боевой доблести и отваги. Каждое движение его было четким, быстрым, выверенным и точным, любой выпад – смертоносным. Ни пощады, ни страха, ни капли сомнения в ледяных сосредоточенных и горящих ненавистью глазах. Глазах безжалостного убийцы. Он сражался красиво, если это слово уместно в сложившейся ситуации. Девушка внутренне содрогнулась, вспомнив, что тоже считается его врагом. Когда-то она думала, что видела ярость в его глазах. Она страш-

но заблуждалась. И не дай ей Бог довести его до такого состояния.

Не переставая размахивать мечом, граф торопил впереди идущих, не стесняясь в выражениях. Элизабет почти бежала по бесконечно длинному, плохо освещенному коридору. Когда он закончился, Элизабет поняла, что они находятся в донжоне, самом укрепленном сооружении замка, и им предстояло преодолеть большое количество ступеней, прежде, чем они достигнут покоев графа, располагающихся в самом верху, в башне, а в том, что их ведут именно туда, она не сомневалась. Оказавшись внутри, запыхавшаяся Элизабет облегченно вздохнула. Комната была хорошо натоплена, в камине полыхал огонь, в железных бра, встроенных в стены, горели свечи. На небольшом столе возле внушительного кресла хозяина – серебряный подсвечник с потухшими огарками, остатки ужина и разлитое вино. Девушка опустилась на деревянную скамью, обшитую черным бархатом с золотым орнаментом и вышивкой. Молодой воин устроил Луизу рядом с ней.

– Элизабет, запри двери, – обратился к ней Мельбурн. – И ни под каким предлогом не открывай никому. Поняла? Девушка кивнула.

– Кроме меня, – уточнил Мельбурн. – Здесь вы в безопасности.

Толстая массивная дверь со скрежетом закрылась. Элизабет опустила засов и не без усилий засунула большой желез-

ный крюк в петлю. И снова стало тихо, словно внизу не было кровавой бойни, из которой не многие выйдут живыми. Лиз тревожно посмотрела на бледную сестру графа. Лохматая и полуголая девушка постепенно приходила в себя. Элизабет оставила свое оружие на скамье и решительно подошла к столу, плеснула вина в серебряный кубок. Боль в запястье вернулась с новой силой, что ограничивало ее движения и сильно раздражало. Залпом осушив содержимое, она налила снова и, скинув неудобные сандалии, направилась к Луизе. Мягкий ворс сарацинских ковров приятно щекотал обнаженные ступни, а жар от вина довольно быстро разливался по телу. В этом были виновны и бурно развивающиеся события ночи, и ее маленький вес. После ее освобождения из темницы, прошло не меньше трех недель, но ей так и не удалось полностью восстановиться, несмотря на регулярное питание и чрезмерную заботу Луизы. Элизабет присела рядом со своей подругой, и вставила кубок в мелко-дрожащие пальцы девушки.

– Выпей. Это нужно, чтобы успокоиться и согреться, – мягко сказала она. Луиза послушно кивнула и маленькими глотками опустошила кубок с вином.

– У тебя спина в крови, – отдышавшись сказала, она, откинувшись на подушку, которую заботливо подложила под ее спину Элизабет.

– Это не моя, – успокоила ее Лиз, с удовлетворением отмечая, что румянец снова вернулся на щеки Луизы Чарлтон. –

Все хорошо. Здесь мы в безопасности.

– Ты спасла мне жизнь, – слабо прошептала Луиза, глядя на Элизабет из-под опущенных в изнеможении ресниц. – Ты была, словно фурия. Как воительница из мифов.

– Скажешь тоже, – смущенно улыбнулась Элизабет. – Я сама сейчас не понимаю, как смогла справиться с этим шотландцем. Я просто обезумела от ярости.

– Ты – молодец. Я не перестаю восхищаться отвагой и силой, заложенными в хрупкое женское тело. Иногда мне кажется, что ты ничего не боишься.

Глаза Элизабет Невилл потемнели, и она отвернулась, положив руку с поврежденным запястьем на плотно сомкнутые колени. И, когда она начала говорить, в голосе ее звучали неприкрытые боль и горечь.

– Иногда я вся словно соткана из страхов, Луиза, но я не имею права поддаваться им. Меня никто этому не учил, но я твердо знаю, что покорность судьбе – слабый защитник, если на кон поставлена твоя жизнь. В моих жилах течет кровь двух старых аристократических родов. Они пришли на эту холодную мятежную землю много веков назад и укрепили господство путем интриг и кровавой резни. Наверное, я унаследовала что-то от своих диких нормандских предков. И сейчас я очень боюсь, как и ты, Луиза. Я боюсь, что отец потеряет надежду и не придет за мной. Я уже молчу о своем муже. И боюсь, что граф сказал правду, и Алекс Флетчер знает, где меня искать, но почему-то медлит.

– Лиз, – в глазах Луизы отразилось сожаление, она нежно коснулась спутанных разбросанных по плечам белокурых волос Элизабет.

– Я помню, что обещала тебе помочь. Теперь я просто обязана это сделать. Мы не всегда жили, как дикари. Раньше Ричард и наш отец часто устраивали приемы и балы. Мы выезжали в гости к соседям. У меня остались друзья. В замке Белси, это недалеко отсюда, живет моя подруга Катрин Мидлтон. Ее отец был лучшим другом нашего с Ричардом отца. Никто из людей графа не поможет тебе покинуть замок благополучно, и подкупить их не удастся, они преданы Ричарду, словно собаки. Я напишу Кэтрин, и попрошу ее о помощи. Ее брат сопровождает тебя к отцу. Когда Ричард снова уедет, если, конечно, останется жив, и я организую твой побег.

В глазах Элизабет мелькнула надежда, и она крепко обняла Луизу, не находя слов, чтобы выразить безмерную благодарность. Обе девушки готовы были разрыдаться. Весь смысл произошедшего с ними кошмара, обрушился на обеих одновременно.

И в этот момент с огромной кровати, полностью скрытой от их глаз плотно задернутыми тяжелыми парчовыми шторами, черными мрачными складками, ниспадающими с балдахина, подвешенного к потолку, раздался отчетливый шелестящий звук, словно кто-то откинул одеяло. Девушки испуганно вскочили на ноги, уставившись на постель графа. Элизабет схватила свой кинжал и вытянулась, как струна.

Тонкая белая рука, появившаяся из щели между парчовыми складками, отодвинула полог в сторону, и их изумленному взору предстала совершенно обнаженная девушка с заspanным лицом и распущенными темными волосами.

– Боюсь, милые леди, ваш план не понравится графу. Но, если эта белокурая бестия опустит кинжал, я обещаю молчать, – улыбнулась девица, в которой Элизабет узнала спутницу графа за столом во время пиршества.

– Фу, – облегченно выдохнула она, снова бросая кинжал на скамью. – ну, и напугала ты нас.

– Что происходит? – сообразив, что выглядит неприлично, девица прикрылась шелковой простыней ярко-красного цвета, который удивительно шел к ее бледной коже и черным волосам. – Графу стало скучно, и он пригласил еще девиц?

– Нет, – холодно отрезала Луиза. – Я его сестра, Луиза Чарлтон, а это, – она показала на Лиз. – Элизабет, моя горничная.

– Да. Я ее узнала. Его сиятельство представил вашу горничную, леди Луиза, как баронессу Ридсдейл, – девушка задумчиво разглядывала растрепанных девушек в ночных рубашках, одна из которых была в крови.

– Его сиятельство пошутили, – сухо сказала Элизабет.

– Значит, горничная, – сделала вывод девица, – А я Мадлен Вилар. Я работаю в таверне. Совсем недалеко от замка. Я не совсем понимаю, почему вы в таком виде, и что делаете здесь посреди ночи.

– На замок напали шотландцы, – быстро ответила Лиз. Ее раздражало, что приходится отчитываться перед шлюхой из таверны.

Глаза Мадлен изумленно округлились.

– Серьезно? Я ничего не слышала.

– Да. Удивительно, что Ричард так быстро подоспел, – согласилась Луиза. – Сейчас внизу настоящий ад.

– Хорошо, что мы здесь, – улыбнулась Мадлен. – Вы, наверное, устали, леди Луиза. Я могу уступить вам постель, а сама лягу возле камина.

– В этом нет нужды. Кровать большая, здесь хватит место целому отряду, что уж говорить о трех хрупких девушках, – улыбнувшись, произнесла добросердечная Луиза Чарлтон.

– У камина буду спать я, – решительно сказала Элизабет.

– Но....

– Луиза, я не могу лечь на шелковые простыни в грязной рубашке. Да, и не стоит снова гневить Мельбурна. Он точно не будет в восторге, увидев меня в своей постели. Не волнуйся. Я постелю циновку и возьму подушку. Если огонь станет угасать, подброшу дров. Так будет разумнее, – рассудительно проговорила Элизабет. – И безопаснее. В первую очередь, для меня.

– Как скажешь. Тебя все равно не переубедить. Да, и у меня совсем не осталось сил. Валюсь с ног от усталости.

Луиза поднялась по ступенькам к постели и опустилась на место, освобожденное для нее Мадлен, которая перебралась

на другой край кровати. Взбив пуховую подушку, девушка положила на нее голову. Ее глаза следили за сосредоточенными действиями Элизабет. Бросив несколько поленьев в камин, Лиз расстелила на ковре меховую циновку и бросила в изголовье подушку. Сев на свое импровизированное ложе, она обняла длинными тонкими руками колени, склонив на них голову. Взгляды девушек встретились.

– Я так устала, но, боюсь, что не смогу уснуть, пока не узнаю, чем закончится битва, – сказала Луиза. – А ты, почему не ложишься?

– Ну... моя судьба тоже зависит от исхода битвы, – губы Элизабет дрогнули в улыбке.

– Я тревожусь за Ричарда. Конечно, он – лучший из воинов, и в замке полно вооруженных солдат и рыцарей, я не успокоюсь, пока не увижу его живым.

– Ничего с ним не случится. Ты перенесла сильное потрясение, и должна поспать, – резковато ответила Элизабет. – Я тоже попытаюсь. Мы все равно ничего не сможем изменить, чтобы не случилось. А силы нам обеим пригодятся. Бери пример с Мадлен. Спит, как младенец и в ус не дует.

С этими словами Элизабет Невилл вытянулась на циновке и повернулась лицом к камину. Однако, сон не шел в голову. Приятное тепло обволакивало ноющее тело, а рыжие языки пламени, алчно пожирающие деревянные поленья, завораживали.

Говорят, что человек может бесконечно смотреть, как те-

чет вода и как горит огонь. И это действительно так. Мысли девушки постепенно улетали куда-то далеко. Она не хотела анализировать то, что произошло. Она впервые убила человека, но не чувствовала ни угрызений совести, ни запоздалого испуга, она, вообще, ничего не чувствовала. Пустота звенела в ее голове, запястье болезненно пульсировало, в то время, как мышцы стали постепенно расслабляться. Перед тем, как окончательно пасть в объятия Морфея, девушка крепко сжала спрятанный под подушкой кинжал.

– Нам потребуется несколько часов, чтобы вытащить за пределы замка мертвецов, – сказал Дэвид Купер своему предводителю, который утолял жажду прямо из горловины кувшина с сидром.

– Очень знакомая ситуация, друг мой, – с грохотом поставив кувшин на стол, сказал граф Мельбурн, скользя усталым взглядом по телам погибших в бою врагов и его поверженных отважных воинов, разбросанных по залу, где состоялась кульминация кровавой схватки. В лабиринтах коридоров и других покоях тоже было немало трупов, не говоря уже об огромных повреждениях имущества замка. Последний раз шотландцы нападали на Мельбурн шесть лет назад, разгромив все на своем пути, и отцу потребовалось несколько лет, чтобы восстановить его.

Оставшиеся в живых воины графа стояли рядом, скорбно опустив головы. Их одежды и мечи были забрызганы кровью.

Сам граф выглядел немногим лучше. Рубашка, в некоторых местах разорванная в клочья, вымокла от пота и крови, на правом плече длинный неглубокий и уже запекшийся разрез. Наспех наброшенный камзол превратился в лохмотья. На кожаных штанах вдоль всего правого бедра еще одна резаная рана, но тоже незначительная. Обширный синяк растекался по левой скуле и спускался на подбородок.

– Что за проклятье, – яростно выругался Мельбурн, ударив ладонями по столу. – Нас постоянно преследуют неудачи. Сначала Ридсдейл, теперь шотландские разбойники. Я устал терять своих людей. Мне до черта все это надоело. Если бы мог убраться из этого замка.... Ненавижу его.

– Ричард, здесь нет никакого рока. Просто стечение обстоятельств. Их предводитель сам сказал, что одна из шлюх была его женщиной. Она предупредила, что в замке намечается пирушка, а уж он сложил два плюс два.

Мельбурн мрачно посмотрел на Купера и тяжело опустился в кресло.

– Что с Ридом?

– Погиб. Тилбот и Морис тоже.

Граф закрыл глаза, на напряженных скулах заходили желваки. Ему тяжело было совладать со своим гневом. Ему сейчас очень не хватало рассудительного и сдержанного Роберта Холла. Он один мог успокоить его и дать дельный совет.

– Дэвид, слушай меня, – с огромным трудом взяв себя в руки, начал граф. – Пока нет Холла, я поручаю тебе

организацию захоронений всех погибших и восстановление замка. Позаботься о вдовах, пополни армию недостающими людьми. Завтра я забираю Луизу и уезжаю в Камберленд.

– Но...

– Никаких но, – рявкнул Мельбурн. – Это распоряжение короля. Мне нужно встретиться с Саффолком для получения важных распоряжений. В Нортумберленде готовится восстание, и мне поручено с этим разобраться. Все понятно?

– Да, милорд, – опустив голову, сказал Купер.

– Надеюсь, мне не нужно пояснять, что мой отъезд должен храниться в строжайшей тайне. Смотри, не подведи меня, Дэвид. Не забывай, что я в любой момент могу согнать твоих овец со своих земель.

– Я помню, милорд.

– Завтра, я дам дополнительные указания. И чтобы до обеда здесь все было убрано.

– Как скажете, ваше сиятельство.

– Вот так-то, – удовлетворенно кивнул Мельбурн, поднимаясь на ноги. – Я иду спать, а вам еще предстоит много работы. За отвагу и усердие, проявленные этой ночью, вы получите хорошее денежное вознаграждение.

Мельбурн из-за всех сил дернул на себя дверь своих покоев, но она не поддавалась. С запозданием он вспомнил, что велел Элизабет Невилл запереть дверь.

– Вот черт, – выругался граф. – Что встали столбом? Сту-

чите, – приказал он двум слугам, которых взял с собой. Они были нужны ему, чтобы приготовить ванну.

Когда из-за двери послышался слабый испуганный голос Луизы, Ричард облегченно вздохнул.

– Лу, это я, – сказал он. – Открой дверь.

Пришлось постоять еще несколько минут, пока хрупкая слабая девушка пыталась справиться с запорами.

– Господи, ты на себя не похожа, – с горечью проговорил граф, когда из приоткрытой двери, показалось бледное осунувшееся лицо Луизы. Толкнув плечом дверь, Мельбурн уверенно вошел в свои покои. Приятное тепло мгновенно подействовало на его изможденное тело и напряженные до боли мышцы.

– Ванну мне. Быстро, – рявкнул он слугам, топтавшимся сзади.

– Ричард, ты жив. Слава Богу, – воскликнула Луиза с некоторым опозданием, и бросилась на шею брата. Она целовала его окровавленное лицо и разбитые руки.

– Ты тоже выглядишь ужасно, – печально сделала вывод девушка, отстранившись и разглядывая Ричарда. В синих глазах сестры отразилась боль и сострадание.

– Пойдем. Я помогу тебе раздеться и обработаю раны, – шепнула она.

Взяв брата за руку, Луиза повела его в другой конец просторной комнаты. Там за кроватью, перед окном стояла ширма, отделяющая жилую часть спальни от гардеробной. Имен-

но туда Луиза распорядилась поставить ванну, которую принесли лакеи графа.

Присев на один из обитых бархатом сундуков с вышитой на крышке золотыми нитями ощерившейся пантерой, которая являлась частью герба Мельбурнов, Луиза Чарлтон очень осторожно смывала кровь и грязь с плеча брата мягкой тряпочкой, пропитанной противовоспалительными маслами.

– Ты не должна это делать сама, Лу. В замке полно прислуги, – сказал граф, перехватив ее руку.

– Все или спят, или трясутся от страха. Дай людям прийти в себя. Уже утро, а после такой безумной ночи, искупать героя и спасителя для меня большая честь, – Луиза выдавила слабую улыбку. Она сама ужасно устала, но тревога и забота о брате превозмогала собственные страдания.

– Ты – истинная женщина, Лу. У тебя самое милосердное и доброе сердце, – мягко сказал Ричард, опуская голову на маленькую бархатную подушечку, заботливо подложенную Луизой на край ванны. Но, когда его глаза тяжело закрылись, лицо графа потемнело и напряглось.

– Замку принесен огромный ущерб, Лу, – прошептал он. – Шотландцы, успевшие удрать, увели скот, несколько полей с пшеницей сожжено дотла. А у нас совсем нет денег. Бесконечные войны разорили меня.

– А как же налоги, аренда земель и плата короля за твою службу? – тихо спросила Луиза. Рука ее дрогнула, и губка

выпала из ослабевших пальцев.

– Луиза, ты такое дитя, – устало проговорил он. – Доспехи, лошади, содержание дома и армии – это стоит громадных денег. А их у меня нет. Утром мы уезжаем в Карлайл. Там я встречу с Саффолком и Ральфом Уэстморлендом.

– Ты попросишь у них денег? – не уловив связи, спросила Луиза.

– Нет. Это приказ Генриха.

– Тогда....

– Лу, скоро здесь станет очень жарко, – Ричард криво усмехнулся, поморщившись от боли. Все лицо саднило, губы растрескались и кровоточили. – Нам в любом случае не удалось бы остаться в стороне, но, если я поддержу сторону короля, этот даст мне определенные привилегии.

– Ты пытаешься говорить со мной о политике? – не скрывая иронии, спросила девушка, пытаясь отыскать в мутной воде оброненную тряпку.

– Не нужно. Я закончу сам, – остановил ее Ричард. – Милая, я просто готовлю тебя к тому, что мир в наших краях настанет не скоро. И нам придется оказаться в самом центре заварушки. Я готовлю тебя, Лу. Ты должна знать, что с этим утром туман насилия и грядущих боев не рассеялся. У нас слишком много врагов.

– Я знаю, Ричард. Шотландцы не оставят нас в покое. Но мы могли бы уехать подальше. В Дареме есть чудесное поместье. Помнишь, мы ездили туда с отцом?

– Король приказывает мне ехать в Камберленд для участия в восстании, которое готовят против новых законов Его Величества местные аристократы, – Ричард наклонился вперед и посмотрел в расстроенное лицо сестры. – Черт побери, не смотри на меня так. Я согласен с оппозицией только в одном. Его Величеству не стоило разводиться с Екатериной Арагонской и возводить на престол шлюху Болейн. Она не дала ему сыновей, которых он так жаждал от нее получить, и навлек на себя неодобрение старой аристократии своими сумасбродными действиями.

– Ричард, король назвал себя главой англиканской церкви, но ведь он не Бог. У него нет права разорять монастыри и раздавать святыне земли направо и налево, – глаза Луизы полыхнули.

– Он заставил Кранмера признать его брак с Екатериной не действительным и лишил свою единственную дочь всех прав. Разве это можно назвать благочестием?

– Королю нужен наследник. Женщина не может наследовать трон.

– Кто так решил?

– Боже, я спорю с младшей сестрой, – нахмурившись, констатировал граф. – Кто мы, чтобы судить Его Величество? Ты говоришь о благочестии. А разве зажавшиеся порочные священнослужители, эксплуатирующие крестьян по своему смотрению, плетущие интриги и творящие беззаконие – благочестивы? Что ты знаешь о жизни, Лу? О настоящей жизни?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.